

84Е7-51

Б 41

Ханс Бейгер

МОЯ
ПОГОДА

84E7-51 ✓ ✓ БЧК ✓

Chaim Beizer

МОЯ ПОГОДА

Стихи и баллады

Перевод с еврейского

אני שבעה עשר שנה אברהם אבי,
 בפרנסה סובסידית, -

אני פועל אצל אהרן אהרן אהרן אהרן,
 אהרן אהרן אהרן אהרן אהרן אהרן,
 אהרן אהרן אהרן אהרן אהרן אהרן.
 - אהרן אהרן

אברהם אבי

16 אפריל 1985

אברהם אבי

Библиотечная секция
научно-образовательного
ин. Шолом-Алейхем
СЕКТОР НАЦИОНАЛЬНО-
КРАЕВЕДЧЕСКОЙ Л. ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1985

Художник
СЕМЕН БЕЙДЕРМАН

Б 4702200000-090 397-85
083(02)-85

© Перевод на русский язык.
Издательство
«Советский писатель», 1985 г.

МОЯ ПОГОДА

Пусть день порой не радует рассветом
И дождь косой с утра в окно стучит,
Не падай духом, друг, — ведь солнце где-то
Среди небес безоблачных парит.

Там воздух дышит запахом магнолий
И опьяняет сладко, как вино,
И не хватает только одного лишь —
Дождя, слегка стучащего в окно.

Все есть, запомни, друг, на этом свете —
Ревущий в час рассветный океан
И как с цепи слетевший черный ветер,
В седые хлопья рубящий туман.

А где-то нива, сонная такая,
И в берегах застывшая река.
И одного им только не хватает:
Бегущего над полем ветерка.

И ты, мой друг, в час утренний короткий
Минуты понапрасну не теряй —
Всю перерой насквозь метеосводку
И день себе по вкусу выбирай.

Морозный день сегодня на Курилах,
Плюс двадцать на Кавказе и в Крыму,

А в Киеве капель заговорила...
Бери, дерзай, любой заказ приму!

Страна у нас огромная такая,
Что сходятся циклонами над ней
Дыханье Севера и Горного Алтая,
Прохлада рек и жар сухих степей.

А ты твердишь упрямо: «Ну, погодка!
С утра дождит, и небо все темней...»
Возьми страны моей метеосводку
И небом всей земли моей владей!

Родословная

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Мне нет начала, нет конца,
Высот еще я не коснулся.
Отвел я руку от лица,
Как будто ото сна очнулся.

Мгновенье он еще во мне
Идет причудливой игрою...
Миг пробужденья. В тишине
Я слышу: словно шум прибоя.

И вот я сделал первый шаг.
Реальность, я — в твоём просторе,
Как на ветру осеннем флаг,
Как парус в беспокойном море.

Я вижу: жизнь бурлит вокруг,
Все — в нескончаемом движении,
И я опять впрягаюсь в плуг,
И это — жизни продолженье.

Вознаграждение? Почет?
Да разве мне хоть что-то надо?
Я вижу: колос мой растет,
И это — лучшая награда.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Сопит спешащий вдаль издавека
Зеленый поезд. Он проходит мимо
Лесов и рек. Шершавым сгустком дыма
Он кашляет. В поту его бока.

Я помню, так же кожу разъедал
Пот лошадям, впряженным в ту телегу,
Которая по тающему снегу
Меня везла впервые на вокзал.

Закрыв глаза, вдыхаю до сих пор
Неповторимый острый конский запах.
В нем — смех, весна, лучи в еловых лапах
И юности неведомый простор.

«Лошадушки, наддайте-ка, резвей!» —
И взвился бич, заложенный за пояс...
Ошибся я: то ветер хлещет поезд,
Как некогда возница тех коней.

Вступив в вокзал, зажав в руке билет,
Я снова слышу сквозь густые звуки:
«А ну, ребята, взяли ноги в руки.
Одессе-маме пламенный привет!»

Быть может, неразумно и смешно
Сегодня, в век неистового бега,

Рассказывать, как дряхлая телега
По колеям плелась давным-давно.

Но память ту быльем не затянуть.
В ней столько света, свежести и силы,
Что космонавт, летя в межзвездной сини,
Свой самый первый вспоминает путь.

И, завершив невиданный полет,
Прижав к земле усталые ладони,
Он думает о матери, о доме,
О песне, что над травами плывет.

ЧТО СТАЛОСЬ БЫ СО МНОЙ?

Что случилось бы со мной, когда бы нашей вишни
Я не увидел раннею весной?
Ее цветов рукой не тронул пышных...
Что случилось бы со мной?

Что случилось бы со мной, когда небес весенних,
Как в прошлые, счастливые года,
Не отворились бы золотые сени?
Что б я сказал тогда?

Что б я сказал, когда земля родная,
Чьих темных недр во мне струится сок,
Вдруг сдвинулась, куда-то уплывающая...
Что б я поделаться мог?

Что смог бы я, живущий вместе с вами,
Когда такой вот раннею весной
Я не сошелся б с милыми друзьями?
Что случилось бы со мной?

В ЭТИ СТО ВОСЕМЬ МИНУТ

Во время своего первого полета
Юрий Гагарин пробыл в космосе 108
минут.

В эти сто восемь минут
(Время, когда его не было с нами)
Поняли все: прав у времени крут.
Миг ожидания сравнялся с годами
В эти сто восемь минут.

В эти сто восемь минут
(Время, когда он летел по Вселенной)
Кровь человека, воспрянув от пут,
Билась, зажженная искрой нетленной.
В эти сто восемь минут.

В эти сто восемь минут
Верили мы, что, отвергнув сомненья,
Мужеством полнясь, минуя уют,
К славе высокой идет поколение.
В эти сто восемь минут.

* * *

Всегда, на всех наречьях слово «вес»
Обозначало важность, власть и силу.
«Ваш вес огромен в свете, ваша честь!» —
Толпа благоговейно говорила.

А этот дерзновенный человек
Утратил вес, изведаль невесомость.
И, как добро, как мужество и совесть,
Остался жить в людских сердцах навек.

ФРОНТОВИКАМ

Он на рейхстаге первым расписался —
Горели буквы тысячей огней;
Но сам, когда лишь только шаг остался,
Упал...

Окончен счет военных дней.

Еще враги не сняли все заслоны,
Еще таились в норах на пути;
Но составлялись всюду эшелоны,
Чтобы домой фронтовиков везти.

Уже над миром весть распространили
О том счастливом, о победном дне...
Но скольких же еще похоронили
В той чуждадельной стылой стороне!

Уже домой мы ехали гурьбою
И наслаждались странной тишиной,
Но сколько же несли еще с собою
Осколков, нам оставленных войной!

В госпиталях, где мы потом лежали,
Врачи даются диву до сих пор:
«Как из железа матери рожали
Богатырями вас — всех на подбор!..»

Как на поверку, вдумчивы и седы,
Фронтовики на свой приходят съезд;
Но с каждым новым праздником Победы
Все больше за столом свободных мест.

И пусть привычно смерть расставит сети,
Не уходите, смерти вопреки!
Есть пожеланье лучшее на свете:
Подольше пусть живут фронтовики!

У ОБЕЛИСКА

...Им почта не приносит телеграммы.
Мемориал, как сталь, блестящ и стыл.
Но раз в году сюда приходят мамы,
Чтоб постоять у дорогих могил.

Ровесники идут сюда и братья,
И дочери идут, и сыновья.
Стоит, раскрыв зеленые объятия,
Дубов и кленов дружная семья.

Глаза людей полны любви и света,
И небосвод слезою в них дрожит...

Лишь к одному из тех, кто здесь лежит,
Родные не приходят в День Победы.

Мать...

Может быть, нашла б она слова,
Которые бы сына ей вернули.
Увы! — она была уже мертва
В тот час, когда его настигла пуля.

Сестра к нему пришла бы как рассвет:
«Вставай, мой брат, и жить начнем сначала!»
Но в час, когда над ним склонилась смерть,
Она во рву убитая лежала.

А младший брат...

Он душу бы свою
За жизнь его без размышлений отдал,—
Но он и сам погиб в лихом бою,
Сражаясь за Отчизну и свободу.

И все-таки погибший не забыт!
Я видел сам, как девушка-невеста,
Сложив цветы на серый камень плит,
Тебя почтила, воин неизвестный.

Я видел сам, как из тяжелых туч
К земле неслись трепещущие струи,
И обелиск стоял как светлый луч
В потоках слез и в зорях поцелуя.

ПОДПИСЬ ПОД ВОЗЗВАНИЕМ О МИРЕ

Я знаю:

Среди сотен миллионов
Ее никто, конечно, не найдет.
Но древних литер росписи наклонной
Моей —

Я знаю —

Время не сотрет.

Священно

Красное от крови знамя.
Живых и мертвых неразрывна связь.
Я ставлю эту подпись и за маму,
Которая меня не дождалась.

И за моих сестер, во рвах лежащих,
За них, застреленных с детьми —
В упор.
Последний крик их, душу леденящий,
В моих ушах звучит и до сих пор.

Пускай не стихнут жертв невинных стоны,
Пускай никто не спит спокойным сном,
Пока народам мира озлобленно
Безумцы и лжецы грозят мечом.

МОЕ СЕРДЦЕ

Ослабло.
Снова сил полно...
Вот замерло.
Опять вскипело...
И ноет,
И болит оно,
Как будто гвоздь вонзился в тело.

Болит...
Так плохо, что невмочь...
Что делать?
Доктор, посоветуй!
Нет, валидолом не помочь,
Не успокоить боли этой.

Укол.
Удар.
И вот опять...
И кровь как будто откачали.
Ты на себя решило взять
Невзгоды все и все печали?

«Чужие муки ни к чему,
Зачем тревожиться об этом?»
Но объяснить мне как ему?
Как следовать таким советам?

Оно спешит в любую даль
Веленьем собственного зова:
Туда, где беды и печаль,—
Их разделить оно готово.

То вверх,
А то летит на дно,
То в лихорадке жаркой бьется.
И ноет,
И болит оно —
В спокойствии не остается.

РОДОСЛОВНАЯ

Светлые,
Милые мне имена,
Память то вспыхнет, то снова темна:
Шапочник Вольке
Да Ицик-кузнец,
Боль моя вечная — дед и отец...

Пепел местечек, поросших полынью,
В сердце безмолвно стучит и поныне,
Плачет земля,
Вопиют небеса —
Ваши мне слышатся в них голоса.

Светлые,
Милые мне имена,
Кто мне ответит, и чья тут вина?
Может быть, Ривка — мама моя?
Может быть, бабушка Цирл моя?

Нет их.
Но часто в ночной тишине
Молча стучатся с укором ко мне.
Боль моя детям и внукам твердит:
Ничто не забыто.
Никто не забыт...

Светлые,
Милые мне имена,
Вам ли растаять виденьями сна?
Кто же поймет этот скорбный упрек:
Как я берег вас!
И не уберег.

СОН

Звездочет мой, звездочет мой, окажи мне милость.
Где та звездочка, скажи мне, вдруг запропастилась?

Может, видел след какой-то или отблеск света?
На дороге Млечной, может, заплуталась где-то?

Верил с детства я рассказам, что твердят в народе:
«В час рожденья человека, мол, звезда восходит;

И коль хочешь быть отмечен благостной судьбою,
Надо, чтоб не расставалась та звезда с тобою.

И пока не потеряешь ты ее из виду,
Приносить удачу будет, ответит обиду...»

Со звездой своей упорно я искал свиданья —
И нашел ее с трудом я в гуще мирозданья.

Мне она с тех пор сияла силой молодою,
И судьбу свою связал я с яркою звездою.

Но о ней забыл я как-то — и тотчас расплата:
Вмиг звезда моя исчезла, сгинула куда-то!

Звездочет мой, звездочет мой, я прошу ответить:
Как же без звезды теперь я стану жить на свете?!

Звездочет нахмурил брови, говорит жестоко:
«Должен был звезду беречь ты как зеницу ока.

А сейчас ни от кого ты и не жди совета,
Дни свои влачить беззвездно будешь ты за это!»

Закричал я что есть силы: «Нет, так не хочу я!
Без звезды моей, пойми же, высоты не чую...»

Закричал я и проснулся — оборвался сон мой.
Надо мной в огромном небе звезд полных сонмы.

СЛОВО О ДЕТЯХ И ВНУКАХ

Мало осталось моих земляков-однолеток,
Нет и следа от местечка, где жизнь начинали.
Выросли внуки без бабушек, рано ушедших,
Свадьбы играли без дедов, которых не знали.

И не о козочке белой иль волке-разбойнике жадном
Песенки слышал мой старший в своей колыбели —
Прерван был сон его воем сирены надсадным,
Черные птицы ночами над крышей гудели.

Что ж вы с укором глядите на двадцатилетних?
Или незнание мучительной боли — вина?
Хочется верить, что мы — поколение последних,
Горечь утрат и страданий хлебнувших сполна.

Стертые с нашей земли, обращенные в пепел селенья —
Вечною болью приходят они в наши сны.
Внуки мои, сохраненные племени звенья,
Спите с улыбкой беспечно, не зная войны!

ШОЛОМ АЛЕЙХЕМ!

— «Шолом алейхем» — что такое? —
Меня спросили как-то раз.

Сказал я:

— Добрый знак рукою,
Слова надежды без прикрас,
И друг, все двери распахнувший,
Чтобы скорей тебя обнять,
Во тьму дворовую шагнувший,
Чтобы печаль твою унять.

— «Шолом алейхем» — что такое? —
Меня спросили как-то раз.

Сказал я:

— Мужество большое,
С каким встречаем горький час,
Когда мечты коса скосила
И жизнь твоя дала излом,
Но все же не иссякла сила,
И ты на бой идешь со злом.

— «Шолом алейхем» — что такое? —
Меня спросили как-то раз.

¹ Шолом алейхем! — мир вам! — приветствие.

Сказал я:
— Слово золотое,
Оно давно в чести у нас;
Оно сильнее, чем оружие,
Оно добро несет с собой,
Его переводить не нужно —
Его поймет язык любой!

БОРЕНИЕ

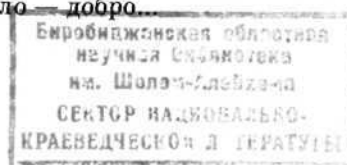
Без борьбы — как без движенья:
Миру с места не сойти,
Без борьбы — для улучшения
Миру не было б пути.

Стал бы он бесцветным, плоским
В окружении пустом;
Стал бы жалким недоноском,
И бессмысленным притом.

Выбор нам нелегкий дали,
Сделать мы его должны —
Как известно, у медали
Две бывают стороны;

Две — и борются при этом,
Не жалея ничего:
Правда — с ложью,
Тьма — со светом, —
Одолеет кто кого?!

Радость — грусть...
Грабеж — подарок...
Зло — добро...

Прохлада — зной...
А иначе — пуст, неярок
Оставался б шар земной.

Счастье — боль...
Забвенье — слава...
Человек открыт всему,
И ему дается право
Сделать выбор самому;

И когда отменно зренье
И душа на зов летит,
То сумеет он в боренье
Правду выбрать на пути.

Надо жить в боренье, люди,—
Это слово не старо,
И пускай извечно будет
Победителем Добро!

СТРАННАЯ ПАМЯТЬ

Как память людская, однако, странна,
Станна бесконечно:
Как много всего растеряла она,
Попрала навечно.

Дурное всегда у нее под рукой,
О добром — забудет.
Измерит и взвесит, но мерой какой? —
Неведомо людям.

Чей гений, прорвавшись из древних лесов,
Предстал перед светом?

Кто дерева ствол изогнул в колесо —
И первый был в этом?

Мы помним, кто первым придумал ружье:
Мы с кровью знакомы...
Но вот о лопате...
Кто создал ее?
Не знаем того мы.

Не так это просто бывает найти,
Хоть будешь упорным —
Следов отпечатки на долгом пути:
Их вырвало с корнем.

Того, кто оружие придумал для нас,
Мы славим веками;
А тот, кто муку намолот в первый раз,
В забвение канул.

Того, кто нам бомбу дарует из рук,
Запомнили всюду;
А тот, кто придумал соху или плуг,
Остался под спудом.

Да, много всего растеряла она,
Попрала навечно.
Как память людская, однако, странна,
Станна бесконечно!

ЖАЖДА ЖИЗНИ

Все как будто я имел —
Что хотел и не хотел,
Всею сполна, что было сил,

Белый свет меня дарил:
Ясным небом и грозой,
Пышным хлебом и нуждой,
Счастьем щедрым и бедой,
Вольным бегом и уздой...

Но себя мне не унять.
Где причина? —
Не понять.

Все сполна, что суждено,
Было мне землей дано:
Кажется, со всех сторон
Был без меры одарен
Добрый годом, черным днем,
Сладким медом, злым питьем,
Странствием и тупиком,
Поцелуем и пинком.

Снова мало мне всего!
Знать бы только —
Отчего?

Через пыл пиров и битв,
Наслаждений и обид —
Утомленьем и борьбой
Путь прочерчен был судьбой:
Через холод и жару,
Через ругань и хулу,
Через горести и смех,
Через жизнь и через смерть.

Но —
На счастье иль беду —
Испытаний новых жду!

Золотая жажда жить,
Что вовек не утолить...
В круговерти жарких дел
Разве может быть предел?
Дай же круче, чем дано,
Дай полней, чем суждено,
Дай Мафусаилов век! —
Не насытит мой разбег.

ВДОХНОВЕНИЕ

Волшебница осень,
Красавица осень
Обильна посевом, обильна покосом,
Богата плодами — аж ветви ломает,
В трудах непрестанных покоя не знает.

Дыханье ее поглощает меня,
В нем ветра порывы и пламень огня.
Заботам ее — ни границ, ни предела,
Она не попросит —
Потребует: «Дела!»

Волшебница осень,
Красавица осень.
Рабочее время — покоя не просим,
Достаточно пороха в пороховницах,
И поезд наш безостановочно мчится!

Волшебница осень,
Красавица осень...
Всходить на полях наших тучным колосьям,
И праздничных буден немало нам знать:
И сеять мы будем, и будем мы жать.

И солнце нам будет, и ясная просишь,—
Волшебница осень,
Красавица осень!

НЕ ТРОНЬТЕ МЕЧТАТЕЛЯ!

Прошу вас, не троньте!
Не троньте, прошу вас, мечтателя!
Препоны не ставьте
Ему на нелегком пути.
Не троньте носителя вечности,
Будущих буден ваятеля:
За тех, кем мы будем,
Он должен тревогу нести.

Идет он сквозь тьму,
Сам себе освещаая дорогу
Сиянием глаз,
Беззаветного сердца огнем.
Что стоит мечтанье?
О, если б вы знали, как много!
Так много,
Что легче иным
Позабыть
И не думать о нем.

А он забывать
Не умеет,
Не может, не хочет...
Но мелочных счетов
Не сводит с обидчиком он.
Награда ему
Не нужна за бессонные ночи,

Цель всей его жизни —
Созданье пространств и времен.

Он счастье,
Которое мы потеряли когда-то,
Вернет всем сполна,
Не оставив себе ничего:
Положит к ногам
И с улыбкой своей виноватой
Отступит во тьму —
И опять мы забудем его...

Не троньте, прошу вас,
Не троньте, прошу вас, мечтателя!

СОСТРАДАНИЕ

Что делать мне?
Откуда столько боли
За каждый шаг?
И кто судья тот строгий?

Когда по первому ступаю снегу в поле,
Мне слышится, как он кричит:
«Не трогай!...»
Пощады просит — первый, нежный, чистый.
Но я иду,
И мне в ответ — ни звука.

А осенью
Шагать по ярким листьям —
О господи, какая это мука!

Поля сжигает солнце летним зноем,
И пересохшими губами травы

«Дождя!» —
Чуть слышно шепчут...
Надо мною
Что же гром не грянет праведной расправой?

Что делать мне?
Как боль мою унять?
Как этот мир понять,
Простить,
Принять?

Быть может, это слабостью зовется?
«Да ты забудь — и сразу легче станет!..»
Нет, не могу!
Мне в сердце отдается
Мой каждый шаг —
И ранит, ранит, ранит...

В УНИВЕРМАГЕ

— Примерь вот этот!
— Повернись!
— Да не сутулься!
— Подтянись!.. —
Как душно здесь!
Толпа и шум...
А мне несут еще костюм.

— Надень-ка!
— Покажись на свет!
— Здесь не морщит?
— Покрой не стар?.. —
А самого меня уж нет —
Все смотрят, щупают товар.

Я в зеркалах давно пропал,
От духоты почти без чувств...
Вокруг меня растет толпа,
А я как чучело верчусь.

К чему вещей ненужный счет?
Кто выдумал «приличный вид»?
Пиджак не тесен — в сердце жмет!
И швы не тянут — грудь томит...

Обновы — просто трата сил.
И вспоминается одно:

Ведь было время — я носил
Совсем простое полотно.

К чему сияние витрин,
Когда есть блеск и свежесть дня?

...Ах, не тащите в магазин —
Сведите в молодость меня!..

СО ВСЕМИ РЯДОМ

Первого этажа не предлагать.
Из бюллетеня по обмену жилплощади

Нет, пятый
Или там седьмой
Не надо!
Мне первый больше по душе:
Я вижу всех —
И все со мною рядом,
Когда живу на первом этаже.

Нет, сверху вниз
Глядеть я не умею,
Глаза мои привыкли — напрямик.
Себя и всех
Одною меркой мерю
И носа задирать я не привык.

Благодарю судьбу за то,
Что людный,
Мир настоящий виден мне в окне,
За то,
Что чувствую в потоке будней
Себя с тобою,
С вами,
С ними наравне!

ПЧЕЛА

Зачем примеряешь ко мне хоботок?
Ты сбилась с дороги,
Глупышка-пчела:
Нектара здесь нет —
Я, увы, не цветок,
Напрасную боль ты сейчас принесла,
Жужжа и кружась над моей головой,
Как сестры твои над цветочным кустом...

Полет твой усердный напомнил о том,
Что соки текут в каждой клетке живой,
Но горьки они, словно желчь, у меня,
И кровь, что хранится в сосудах,
Она
Не медом, а горькой отравой полна...
Напрасно ты кружишь, крылами звеня!

Подобно тебе, я повсюду ищу
Прекрасную сладость —
Хотя б только весть,
И радужной вести навстречу лечу:
Быть может, хоть капля там сладости есть.

А что так призывно жужжанье твое —
Ты хочешь, чтоб мы полетели вдвоем?
Согласен! Согласен!
Лечу я с тобой
За сладким нектаром
В простор голубой!

БУДЬ ЧИСТ И ПРОСТ

Будь чист — и в удаче, и в горькой доле.
Будь чист, как слеза на глазах малыша,
Еще не познавшего истинной боли.
Как поле под небом, как небо над полем,
Пусть чистыми будут и плоть и душа.

Будь ясен. Хоть в жизни и круто придется,
Хоть кажется, ты до предела устал.
Вот ключ: он сквозь горы и скалы пробьется —
Чем дальше пробьется, тем чище прольется
Навстречу твоим истомленным устам.

Будь прост. Пусть предвестье неведомых истин
Созреет, как в семени зреет росток, —
А тополь потом зашумит серебристый...
И, словно земля, будь всегда бескорыстен:
Без соков ее кто же был бы высок?

Но если в душе — и такое бывает! —
Не все безупречно... Ну что ж, все равно:
Есть пятна на солнце. Но не убывает
Свет солнца, который не жжет — согревает.
Вот пламя — но как милосердно оно!

* * *

Что проку в красивых и звучных речах?
Что толку в безумных, горячих словах?

Так мудрость людская твердит нам весь век:
Молчание — благо твое, человек!

И точно: что проку и толку — в лицо
Однажды назвать подлеца подлецом?

Сразишь ли ты словом правдивым его?
Чего ты добьешься, чужак?.. Ничего!

Ведь тот, кто с тобою стоял и молчал,
Наутро с улыбкой безоблачной встал.

А ты, что не смог, не сумел, не смолчал,
Без сна до рассвета, вздыхая, лежал.

Да, он, кто замок наложил на уста,
Со временем важным вельможею стал.

А ты, тот, кто чистую правду сказал,
Чего ты достиг и куда ты попал?..

Да, проку немного в красивых речах,
И толку так мало в правдивых словах.

Ведь так уж устроен отвеку наш век...
Зачем же ты споришь с судьбой, человек?

Всевышний, я жребию рад своему,
Все от тебя без роптанья приму.

Незнатен умру и к тому ж невелик...
Но будет правдивым всегда мой язык!

МУЗЫКА

Была здесь мертвой тишина:
Ни звука, лишь одно молчанье,
Но вдруг обрушилась стена
И захлестнуло зал звучанье.

И зала нет —
Растаял он,
Остались в мире только звуки,
И в несравненный, чудный сон
Нас погрузили чьи-то руки.

Вот натиск волн,
Вот смолк прибой,
Вот гром гремит и сразу тает,
Вот холод овладел тобой,
Вот кровь твоя огонь рождает.

Под звуки скрипок и альтиков
Сумел ты вечности коснуться —
И все отдать сейчас готов,
Чтоб ненароком не проснуться.

ТИШИНА

Не всякая безмолвна тишина.
Случается, неслышная дотоле,
Во что-то воплощается она
И входит в слух шершавым сгустком боли.

Ты ищешь дом, куда бы не могла
Она вползти.
Ты жаждешь исцеленья.
Но тишина из каждого угла
Следит тебя.
И нету избавленья.

И ты бежишь, беду вкусив сполна.
Ты просишь, чтоб кричало и гремело.
Ты молишь, чтобы злая тишина
Хоть грохотом, хоть громом зазвенела!

ФАЛЬШИВАЯ НОТА

Мы слушали с другом:
Поет соловей —
Прекрасна мелодия эта!
Певец, очарованный песней своей,
Не смолкнет теперь до рассвета —
И наши сердца застучали живей
От звуков ночного привета.

Мы слушали долго под ранней луной,
Как песня дрожит и струится,
И друг мне шепнул:
«Наш кудесник ночной
За чары заплатит сторицей —

Ведь если сфальшивит хоть нотой одной,
Не выдержит сердце у птицы...»

Какая расплата за сказочный дар —
Понять в состояние мы это?!
И что, если вправду
Такой вот пример
Стал долей иного поэта?..
А может, и многих —
Кто молод иль стар?
Ведь, значит, их песенка спета!

* * *

Сегодня я, быть может, в первый раз
Изведал силу доблестного слова.
Его призыв, его любой приказ
Отважно сердце выполнить готово.

Ложилась чистым снегом седина.
Гранил я слог, как будто камень перстня.
И все ж казалось, больше не нужна
И не слышна душа моя и песня.

Но в этот миг судьбы открылась суть:
Я должен петь — и нет пути иного,
Пока живет хотя бы кто-нибудь,
Кому дано мое расслышать слово.

И для того, кто песнь мою поймет,
Не пощажу ни силу я, ни голос:
Он — мой судья, мой дух и мой народ,
Он — влага в зной и хлеб насыщенный в голод.

СЛОВА

Слова ищу, лелею я,
Перебирая вереницы...
Но фраза лучшая моя
Пока еще в душе хранится.

«Побудь немного в тишине...
Угмонись хоть на минуту...»
Но недосказанность во мне
Клокочет, затевает смуту.

Я слова раб и господин,
И нас не разделить на части:
Ведь миг любой для нас един —
И горе поровну, и счастье.

Пускай мгновенье лишь одно
Осталось мне — и нет иного,
Но все равно мне суждено
Сказать вам, люди, это слово!

В ПУТЬ!

Гудок. Объятия. Голоса.
Прощальные огни перрона —
И вот уже поля, леса
Плывут за окнами вагона.

Как незаметно началось
То чудо, что зовем дорогой!
И обещаньем, и тревогой
Волнует мерный стук колес.

Сильнее в жилах бьется кровь,
Я снова распрямляю плечи,
И ветер, рвущийся навстречу,
Пьянит, как первая любовь...

О жизнь, неудержимой будь!
Осталось мало ль мне иль много —
Близка ли, далека дорога —
Но в путь!
Еще раз —
Только в путь!

Первый хлопок

СКОРЫЙ ПОЕЗД «РОССИЯ»

А что, если это и вправду случится?
На взлете замрет вдруг огромная птица,
И стихнут взревели было моторы,
И с трапа сойду я, и в поезде скором
Уеду — такое ведь может случиться...
Нельзя же — ведь правда? — весь век торопиться.
Мой поезд спокойно стоит у перрона.
И дремлют, друг к другу прижавшись, вагоны.
Куда мне спешить? Нет, спешить мне не надо,
Когда впереди — всей России громада,
Когда впереди — широко и красиво
Алеет рассвет, расстилается нива
И блещут озера в окно: голубые,
Как взгляд проводниц твоих, поезд «Россия»...

Да, это настанет, да, это случится —
Над Волгою скорый неспешно промчится,

Пройдет сквозь седые, замшелые скалы —
И вот уж Сибирь отворилась с Урала.

В купе мое запах пролился таежный,
В окошко уставился кедр придорожный.

Встают как виденья плотины стальные —
Все дальше уходит наш поезд «Россия».

Его поднимают постов эстакады,
Приветствуют пылью жемчужной каскады.

Но поезду мало, все мало и мало
Урала, Сибири, Буреи, Байкала...

И вот сквозь тяжелую толщу тумана
Дыханье прорезалось жаркое БАМа...

Да, это настанет, да, это случится —
Вдруг сердце крылами забьет, словно птица,

И вырвется поезд с названием «Россия»
Туда, где гуляют валы голубые.

И сыркну на берег, где все мне знакомо,
И молвлю:
— Спасибо, «Россия»! Я — дома.

НА ДОРОГАХ СИБИРИ

На дорогах Сибири кто-то может еще и сегодня
Найти пряжку, шнурок от потертых моих башмаков...

Г. Лейвик

На дорогах Сибири,
Встречающих ветром и льдом,
Видел я, как закат
Зажигают от домен огнем.

За березовым лесом,
При блеске полночных светил,
Кто-то молотом тяжким
Всю ночь до зари колотил.

Было звездное небо,
Как факел, вдали зажжено,
И тянулось навстречу,
И жаром дышало оно.

Распахнул я пальто,
Воротник от жары расстегнул,
И симфонией мощной
Клокотал во мне пламенный гул.

И я понял: должно быть,
Там звезды кует богатырь,
Исполинской жар-птицей
Взмывает над миром Сибирь.

ПРОВОДА ЗВЕНЯТ

Картина эта, как во сне,
Однажды вдруг явилась мне:
Подхвачен будто ветром, я
Лечу в далекие края.

Я знать не знал и знать не мог
Тех неизведанных дорог —
Там только лед, там только снег,
Но страха нет и боли нет.

Все, что судьбой предрешено,
Со мной случиться там должно.
А может, это только сон,
Мираж, смещение времен?

Стою я посреди страны,
И гул натянутой струны
Поет во мне, звенит в ушах,
И слушает его душа.

На седоглавый зимний лес
Снег опускается с небес.
И ветер бродит меж стволов,
Срывая седины покров.

Вдруг слышу звон.
За рядом ряд
Идут колодники, звенят
Цепями...
Боже, как же так?
Тот мир давно ушел во мрак!

Смеется ветер надо мной:
«Ты что, глухой? Ты что, слепой?»

Ведь это провода гудят
В ознобе тысяч киловатт!»

Ну да, забыл я...
Что за бред!
Я опоздал на двести лет.
Ведь новые теперь года —
И мир не тот,
Сибирь — не та!

Гудит, ликует зимний лес,
И я стою среди чудес,
Вокруг меня и вдаль и вширь
Волшебная страна — Сибирь!

ДИВНОГОРСК

Дивные горы...
О, дивные горы!
В розовопенистой дымке края —
Разве поймешь ты в волшебном просторе
Где же тут небо,
А где же — земля?

Встали они над рекою у края,
Выставив копий-вершин острие,
Словно от черных чар защищая
Десятиглавой грядкою ее.

Кто же, речища, поспорит с тобою?
Ты как причуду воспринял, как блажь,
Что проводам над глухою тайгою
Ярую силу свою передашь.

Нет, не грусти ты!
Ведь это прекрасно —
Ты, как и прежде, красив, Енисей!
Имя такое дают не напрасно:
Дивные горы —
И город огней.

Кедры, березы, сосны и ели,
И среди них взметнулись дома
Ярус за ярусом.
Будто присели
Волшебные птицы в подножье холма.

Смотрит город большими глазами
Окон
В необозримый простор
И — изумленный красою — замер:
Горы!
Какое богатство гор!

Город,
Возникший неведь откуда,
Смело бегущий в небесную высь,
Мне не забыть тебя,
Горное чудо,
Словно я шел к тебе всю свою жизнь.

У КРАСНОЯРСКОЙ ГЭС

На каменной глыбе, легшей в основу плотины, было написано: «Покорись, Енисей!»

Из хроники гидростроителей

Не хмурь бровей, суровый Енисей,
Гостей своих улыбкою встречай,
Сварил бы в котловане из ветвей
Кедровых ароматный, крепкий чай.

Что ж ты ворчишь, старик? Иль тесен стал
Бетон, что русло прочно оковал,
Иль вспомнилось, как некогда у скал
Ты бушевал, гремел и ликовал?

Или взяла досада, что весной,
Когда оковы все живое рвет,
Ты не взметнешься бурою волной,
До неба выворачивая лед?

Или обида, горькая до слез,
Покоя не дает тебе и сна?
Сказали: «Покорись!» — и все сбылось.
Сказали: «Будет ГЭС!» — и вот она.

Как знать, быть может, камень от скита
Раскольниковского лег в плотину ГЭС...
Сибирь сияньем новым залита —
И это выше божеских чудес.

Чего ж ворчать, упрямый Енисей, —
Не разорвать тебе бетонных уз!

...Стою в слепящем зареве огней
И чудом рукотворным я горжусь.

В НОВОКУЗНЕЦКЕ

«Москва, Кремль. Первая домна
Новокузнецкого комбината выдала
первый чугуны».

Начальник «Кузнецкстроя»
С. М. Франкфурт. 6 апреля 1932 г.»

Из хроники первой пятилетки

Он покинул мрамор пьедестала
В отблесках кузнечного огня
И идет привычно, как бывало,
Темной ночью, как средь бела дня.

Он идет в раскатах мощных грома,
Словно каждый шаг еще хранит
Звон кирки и хриплый голос лома,
Бьющего в нетронутый гранит.

— Скоро полночь, дорогой товарищ,
А тебе, Мироныч, не до сна...
— Спать подолгу — каши, друг, не сварить,
Не наваришь, братец, чугуна.

Но растет сиянье жарких домен,
Гул не умолкает до утра.
Стал по-человечески огромен
Мир, где выли волки да ветра.

Над стальной рекой летят зарницы,
Салаирский кряж изъязв из тьмы,
И с потоком этим не сравниться
Бурному течению Томи.

И идет по улицам Кузнецка
Человек в венце слепящих брызг,
Словно Прометей из тьмы вселенской
К нам сошел, презрев и страх и риск.

Он идет.
Навстречу — улиц реки,
Ответвления вечного огня,
Что вручил он городу навеки,
Жаром сердца сталь воспламеня.

АЛТАЙСКОЕ СОЛНЦЕ

Алтайское солнце в начале весны,
Скатившись с небесной пальной крутизны,
На берег Катуня, закованной льдом,
Выходит
И весело смотрит кругом,
И, землю слегка, как ребенка, погладив,
Ласкает, баюкает, нежит —
А там,
Как будто бы с собственной силой не сладив,
Вдруг ринется вскачь по полям, по горам.

Алтайское солнце летит напролом —
Ему уже все нипочем,
Нипочем!
Земля еще тонет по пояс в снегу,
Но звонкие струйки
Под снегом бегут,
И зимнее взрежут они одеяло...
Весна еще только за дело взялась,
А солнцу
И горя как будто бы мало —
Оно веселится, смеясь и лучась.

Взгляните:
Сосновый заснеженный бор
Уже поправляет свой пышный убор,

И Чуйская степь в нетерпении ждет
Начала веселых весенних забот.
И горный хребет от глубокого сна
Очнулся —
И сразу к медведю в оконце:
«Эй, соня, вставай!
Наступила весна!..»

Веселое солнце!
Алтайское солнце!

ПЕРВЫЙ ГЛОТОК

Рассветной, раннею порой
Он вышел на берег речной
И тихим взором лес обвел:
Он дошагал, достиг, добрел!

А за рекой на берегу
Олень отпрянул на бегу.

Не бойся, трепетный олень!
Благословен твой ясный день,
Иди, прищельца не страшись —
Ведь он не смерть несет, а жизнь!

Ушел олень и всей тайге
Трубил о встрече на реке...

А человек горячим ртом
Припал к воде. Она листом

Пропахла и была чиста,
Как воплощенная мечта.

И он глотнул — и тот глоток
Потом всю жизнь забыть не мог!

БИРОБИДЖАНСКИЙ ПАРК

Посередине первых скромных зданий
Нетронутой оставили тайгу,
Чтобы она в величье первозданном
Смотрелась у реки на берегу.

«Здесь будет парк, — сказали. — Пусть растет он
У города большого на краю».
И, пилы взяв, пустились по болотам
Мостить и строить улицу свою.

И парк живет. Дорогою обводной
Зажат в кольцо — не тесно ли ему?
Но все же непокорный и свободный,
Как памятник себе же самому.

А годы шли. Его смирить пытались
Эстрадой, танцплощадками, кино...
Но дремлет в нем таежный дух-скиталец,
Которому смирения не дано.

Лишь на рассвете, за ночь став повыше,
Глядит он, озирая холм и дол,
На лес антенн, заполонивший крыши,
И телемачты одинокий ствол.

По вечерам в неоновых узорах
Теснится мрак в глухие уголки,
И только танец огненный «семь-сорок»
Напоминает парку гул тайги...

Лишь деды помнят, как во время оно
Остановились, бросив топоры,
И пощадили шум его зеленый
На берегу красавицы Биры.

Спросите их — и вам они ответят,
Что этот парк — совсем не напоказ:
Природа — мать, а мы — шальные дети,
Мы в ней живем, она — в любом из нас.

АВТОБУС

Что ж вы молчите: крик застрял во рту? —
Как молния, как выстрел, как обвал —
Табличка на автобусном борту:
«Сопка — вокзал».

Обычайший маршрут... Так почему
Всей логике житейской вопреки
Я потрясенно подхожу к нему
На расстояние дрогнувшей руки?

Уже вошел последний пассажир,
И дверь водитель тихо затворил...
Что ж вы молчите? Разве этот мир
По-прежнему таков, каким он был?

Остановись, о жизнь моя! Постой!
Пусть вновь приснится тот далекий сон:

Вокзал и сопка — год двадцать восьмой,
Вокзал и сопка — первый эшелон.

Как дышит стужей черная тайга:
Не струсите? Пробьетесь? Хватит сил?
Скользит по зыбкой насыпи нога,
И временный качается настил...

Не трусили. Пробились. Мысль и труд —
Великие начала всех начал.
Лети, автобус! Верен твой маршрут:
«Сопка — вокзал»!

* * *

Целый день разборчивое небо
Цвет и настроение меняет.
То висит бессолнечно и немо,
То округлый глаз его мигает.

И тогда волна тепла и света
Омывает пасмурные лица.
Но лишь миг — и снова вихри ветра
У деревьев похищают листья.

И гудят деревья, начиная
С диким ветром древнее сражение.
И земли накладка золотая
Бьется от его прикосновенья.

НАВОДНЕНИЕ

Земля плыла в воде по горло,
Крича навсхлип, навзрыд, взахлеб:
«Я не могу! Мне горько! Голо!
Останови, господь, потоп!»

Но в трубы грома ангел гнева
Трубил и, дух переведа,
С размаху оземь шмякал небо
Под барабанный гул дождя.

И снова хмурился, могучий,
И вновь грозил своей трубой,
И ветер гнал седые тучи
За сто морей на водопой.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Тех первых, кого мы зовем «старожилы»,
Поднявших топор и наладивших пилы,
Чтоб гулом таежные дали наполнить, —
Ты должен их помнить!

Парней и девчонок Бердичева, Балты,
Чьих песен не пел ты, чьих судеб не знал ты,
Чей путь и на карте найти не сумеешь, —
Забуть их не смеешь!

Иду я по улицам, паркам и скверам,
В которых мечта их, и воля, и вера,
Безвестных, известных, в делах знаменитых, —
Как можно забыть их?

Тот — стал уже дедом, та — бабушкой стала,
А подвиги их не стареют нисколько,
Их юность и смех слышу в гуле зеленом, —
 Нижайший поклон им!

Здесь каждая пядь по лесам и болотам
Их честным, их праведным полита потом.
О, кто был верней и надежней тех первых? —
 Ты помни, ты верь в них!..

ЗАКАТ

Простор полусном объят.
Объятья, как дым, легки.
Спустился тихо закат
На чистую гладь реки.

Малиновый воздух пить
Беззвучно стала река.
Луча золотая нить
Прорезала облака.

И Бира светла опять,
И бег ей сдержать невмочь.
Не может сопка понять,
Кто царствует: день или ночь?

ЗВЕЗДА

Над сопкой под шатром небес огромным
С телеантенны ночи напролет
Огонь мигает звездам в небе темном:
Мигнет — померкнет и опять мигнет.

Когда же тучи застыт кров небесный,
Сгущает тьму идущая гроза,
Огни антенны, вознесясь над бездной,
Таращат удивленные глаза.

Им не понять, куда ушли светила
И что за новый, темный мир возник?
Как хорошо среди звезд горящих было!
Как одиноко, сумрачно без них!

Когда ж, поднявшись ввысь над черным долом,
Отгонит ветер тучи на восток,
Становится фонарь опять веселым:
«Как дивно! Я теперь не одинок!»

И снова до зари, как быть и небыть,
Полночный озаряя небосвод,
Огонь земной мигает звездам в небе:
Мигнет — померкнет и опять мигнет...

ТИХАЯ БИРА

Блистая волнами, она
Покачивалась — и казалось,
Сама лесная тишина
Средь берегов ее качалась.

Как отлученный от груди,
Объятый грезами ребенок,
Сама невинность во плоти —
Она лишь гулила спросонок.

И вдруг — взыграла и пошла
Бурлить, валить звероподобно,

Глубины вспенивши со зла
И пену с волн срывая злобно.

Она крушила наобум
Бетон и камень в яр свой топкий,
Как будто ей взбрело на ум
Добраться до вершины сопки.

Должно быть, пробудилась в ней
Та сила, что взметнется вскоре
В огнях, когда в извечном споре
С людьми — узнает прав людей.

А мне, склоненному к волнам
Над глубиью, слышалось оттуда:
«Ну погодите же, я вам
Еще явлю, пожалуй, чудо!..»

ПОЙДЕМТЕ, ЛЮБА!

*Виробиджанской поэтессе
Любови Виссерман*

Пойдемте, Люба!
Вы мне так давно
Хотели показать в часы заката
И ветреной зари веретено,
И вечер, догорающий крылато,
И золото заречного костра,
И голубой туман над кромкой луга,
Как неба ткань прозрачна и пестра...
Пойдемте, Люба!

Пойдемте, не спеша, не торопясь,—
Туда, где Бира плещет и играет,

И белой пены кружевная вязь
О чем-то давнем мне напоминает.

Пойдемте, Люба!
Сопка вся в огне,
Обшита золотистой каймою.
Все меньше на мосту машин,
И мне
Так хорошо здесь с вами над рекою,
Где в мир, что волшебством преображен,
Ни горе не ворвется,
Ни разлука,
И юность здесь мерещится, как сон...
Пойдемте, Люба!

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ОСЕНЬ

Еще сплетает где-то сны
И бродит ночь как призрак бледный,
А к нам, пронзив кольцо луны,
Уже пробился луч рассветный.

Он освещает склон и дол,
И первой радостью тревожной
Доносит ветер запах смол,
И трав, и ягоды таежной.

А вот и утро настает.
И солнце стежкой трудовой
Идет — и бодрость раздает
Своею щедрою рукою.

А город... Город поутру —
Весь в золотом сиянье сотов,

И терпко пахнут на ветру
Дары садов и огородов.

Осенних полные даров
Стоят корзины, рдея пышно,
И эхо праздничных пиров
Уже в веселом гуде слышно.

Кувшины нового вина
Темнеют в путах лоз ажурных —
Того вина, что пьют до дна
На свадьбах радостных и шумных...

ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ

В моем саду заветный клен
Последний лист сегодня сбросил.
Как легкий сон кружился он —
И улетел, и сгинул.
Осень...

Из всех богатств, что я берег
(А мне немного их досталось),
Последний ускользнул листок.
Да, малость...
Но какая жалость!

И я пустился в скорбный путь
По желтизне осенних пятен
И думал: вот еще чуть-чуть —
И снова станет мир понятен.

Но тайн своих не открывал
Осенний город...

Все молчало.
И только золото кричало,
Когда я по нему ступал.

И страх меня объял:
А вдруг
Мой желтый лист, мой добрый друг —
Он здесь,
Он горестно взывает,
Когда я мимо прохожу...
Острее боли не бывает!
И чем прощенье заслужу?

Нет, не вернуть ни юных сил,
Ни лет, растрченных когда-то...

Клен лист последний уронил —
И это все.
И без возврата.

СКАМЕЙКА В ПАРКЕ

— Для чего стоит скамейка в парке? —
Я спросил смеющихся детей.
— Для игры в разбойники и в прятки —
Можно затаиться нам за ней!

— Для чего стоит скамейка в парке? —
Старика седого я спросил.
— Чтобы в полдень, медленный и жаркий,
Посидеть здесь, выбившись из сил.

— Для чего стоит скамейка в парке? —
Я спросил у пары молодой.

— Чтоб, забыв конспекты, книги, папки,
Любоваться пристальной звездой.

До сих пор не знаю точно я,
Для чего же здесь стоит скамья.

ТАЙНА

Ты сказал, что мрак ночной над нами
Спрячет тайну под семью замками.

Темный лес — хоть режь его на части —
Никому не выдаст наше счастье.

Филин, что сидит вверху на ветке,
Отвернется и замрет навеки.

Звездочки, зажженные под вечер,
В темноте погаснут, словно свечи.

В небесах, скрывая стыд мой жгучий,
Ясный месяц спрячется за тучи...

Кто же тайну выболтал рассвету,
Что весь город шепчет тайну эту?

ВМЕСТЕ

Зелень крон. И желтой нет каймы
На траве. Но, вняв прогнозам неба,
Кто-то из пушистых нитей снега
Вяжет одеянье для зимы.

За домами, улицею, там,
В старом парке, полном удивленья,
Клонит изможденные деревья
Белый груз, навязанный ветвям.

Тяжкий груз. Но он сломать не смог
Хризантему цвета темной крови.
Распростер над ней защиту кроны
К страху не приученный дубок.

Задержав снега и ветра плоть,
Жизнь ее продлить хоть на мгновенье!
А потом, коль нет цветку спасенья,
Вместе с ним застыть и умереть.

УЖЕ СВЕТАЕТ

Сквозь занавески, лепестками роз
Взлетевшие, покуда сумрак тает,
Рассветный луч, пробившись, весть принес:
Уже светает!

Он послан солнцем радостной земле,
Он вдаль летит, спешит, как будто знает,
Что долго света ждали все во мгле —
Уже светает!

Над миром день как звон готов поплыть,
И алый купол землю озаряет,
И никому его не погасить —
Уже светает!

ПИЛА И ДЕРЕВО

Кряхтит в стволе, дрожит пила,
Разносится звенящий звук...
Добра она носитель?... Зла?..
Отрады или новых мук?

Нарушен дерева покой...
Но, может, лучше стать ему
Мостом дощатым над рекой
Иль крепкой балкою в дому?

А может быть, его удел
Стать скрипкой, нежной, молодой —
Чтоб долго звук ее летел
И с небом спорил чистотой?

...Прошу простить высокий слог —
Да, говорю я о стволе:
Все, что свершается, залог
Круговорота на земле...

Так пусть он не клянет пилу,
Что так звенела и тряслась, —
Она иссохшему стволу
Несет иную ипостась.

МОЯ ТРАВА

Я бежал от царства буйных трав,
Словно подчинен какой-то силе.
Мир далекий мне кричал:
«Ты прав!»
И мечты все дальше уносили.

Оставалась ясной неба даль,
Оставалось тихим зорьки чудо,
Но несло меня туда, где сталь,
Зов гудков приманивал оттуда.

Вот к мечте примчался, как стрела,
Что б ни делать — все казалось мало.
И мечта сердечно обняла,
В камень и в бетон замуровала.

Я растерян.
Мне не по плечу
Гулкий мир с его машинным стоном.
В царство трав обратно я хочу...
Но трава давно уж под бетоном.

ДОБРОЕ УТРО, ГОРОД!

Зачем эта «Волга»? Такси пусть уйдет!
Послушайте лучше, как сердце поет.

Мне отдых не нужен, и завтрак — потом:
Мы сразу с вокзала на Бирю пойдем.

Там столько оставлено встреч и потерь...
Там в домике настужь распахнута дверь.

Ее не закрыл я, чтоб ночью и днем
Друзья согревались в жилище моем.

Огонь там не гаснет — он виден в окно,
Друзьям приготовлены хлеб и вино.

Года пролетели, а кажется — миг...
Не бойтесь — я выведу вас напрямик.

Мне все здесь знакомо, все памятно мне,
Как будто прошли эти годы во сне.

Так здравствуй, мой город! К тебе я спешу!
Тебя я всю жизнь в моем сердце ношу.

Дороги, разлуки, года, города...
Но ты был со мною везде и всегда.

О чем же грустит твой осенний наряд?
Не тронет любви никакой листопад.

По-прежнему молодо смотрят глаза,
Ты видишь: я здесь, я вернулся назад.

Я так без тебя изнывал от тоски...
Пешком!
Напрямик!
И не надо такси!

* * *

Дожди всю неделю,
Дожди всю неделю,
Так льет, что хоть в реку от сырости лезь...
Мы, город, проститься с тобой не успели,
А просто я вышел —
И снова я здесь.

А люди — все те же,
И улицы — те же
В бесцветном наряде из капель тоски.
И влажным туманом одето безбрежье
Сереющих сопот
И дымной реки.

А помнится: было,
Душа не забыла,—
Но, боже мой, как это было давно! —
Вечерняя Бира по берегу била,
И ждали друзья,
И глядели в окно...

И вот я вернулся,—
Как будто проснулся.
Я — тот же, а вы — не успели забыть?
Простите, что боли невольно коснулся:
Хотелось бы с вами
Лишь радость делить.

Мы стали старше,
Мы стали мудрее
(Как жалко, что сверстницы наши седы!) —
Зато подросли молодые деревья,
Зато расцвели молодые сады.

Не всё мы успели,
Не всё мы допели.
Что делать? — так издавна заведено...
Дожди всю неделю,
Дожди всю неделю...
Но что это?
Звездочка!
Смотрит в окно.

БЕЛОЧКА

Белочка-кроха, пушистое диво,
Я не охотник, не будь так пуглива.

Нет у меня ни ружья, ни рогатки,
Хочешь — сыграем с тобою мы в прятки.

Рыженький хвостик и быстрые лапки —
Можешь меня не бояться ни капли.

Если ко мне ты опустишься даже,
Только лишь взглядом тебя я поглажу.

Ты ведь хозяйка и леса и сказки —
Что же с испугом глядят твои глазки?

Все для тебя здесь — и сосны, и кедры,
Небо, и солнце, и вольные ветры.

Что же ты в огненном танце не вьешься?
Что же ты к ветке, дрожащая, жмешься?

Солнце лучами закатными брызжет.
Я ухожу...
До свидания, рыжик!

ЛЕКАРСТВО

...И маме по праву...
И папе по праву...
«Ты видишь — не горько,
Не пьем же отраву!»

Измучились, но
Продолжают беседу:
«Ложечка — бабушке,
Ложечка — деду...»

Виднеется
Донышко у пузыречка...
Не хочет мальчонка
Лекарства —
и точка!

«На, Шарик!
На, Барсик!..
Зачем ты в окошко?..
Вот котику — ложка,
Собаке немножко...»

И папа, и мама,
И все уже хмуры —
Попробуйте выпейте
Столько микстуры!

Весьма недовольны
Собака и кот...
Но Яша, хоть тресни,
Лекарства не пьет!

РОСИНКИ

По тонкой ложбинке зеленой травинки
Скользят, догоняя друг дружку, росинки.
И все им в новинку, и все интересно:
«Жить так чудесно!
Жить так чудесно!»

А солнца лучи испугались: прохлада
Остудит росинки — помочь бы им надо.
Ласкают и нежат, чтоб было теплей им:
«Мы вас согреем!
Мы вас согреем!»

Приятно лежать в колыбели зеленой —
Тепло и покойно, уютно и сонно.
И шепчут росинки, глаза закрывая:
«Мы засыпаем!
Мы засыпаем!»

...Проснулась травинка в тревоге, в печали:
Росинки, согревшись лучами, пропали.
И слышится жалобный голос травинки:
«Верните росинки!
Верните росинки!»

ДВА ДУБКА

Два существа однажды проклюнулись из тяжких
Округлых желудей средь сонма шелестящих

Волнистых трав. Из почвы, пропитанной дождями,
Они тянули влагу сплетенными корнями.

Снегами укрываясь, в июльском греясь пекле,
Плечо к плечу, двойняшки, росли они и крепили.

«О, как они прекрасны, — деревья все решили. —
Они других прочнее, а тень от кроны шире».

И расступились ели, спустились в дол осины,
Чтоб, соком наливаясь, дубки копили силы.

С тех пор немало весен ушло в цветные дали.
Огромными дубами подростки-братья стали.

В их кроне двуединой ветров и солнца гряда.
И лес не отрываясь глядит на это чудо.

БЕРЕЗКА

Среди елей стройных, броских,
Как с иголочки одетых,
Робко замерла березка
В золотом разливе света.

Ели шествуют в наряде
Щегольском, зеленом, вечном.
Ей же, голой, снится рядом
Сон о платье подвенечном.

Ей досадно, ей обидно —
Будто всюду пересуды:
— Гляньте, как она бесстыдно
Солицу выставила груди!..

* * *

Три тюльпана в дар принес он ей —
Все в расцвете прелести своей.

На зеленых стеблях — алый жар:
Губ ее немеркнувший пожар.

Сколько тем цветам на свете жить —
Столько их любви на свете быть.

...Вот уже один цветок поблек —
Он сказал:
 «Всему приходит срок!»

Вот второй цветок уже завял —
«Холодно целуешь», — он сказал.

Вот уже и третий не горит —
Ничего он ей не говорит.

Три тюльпана он принес ей в дар.
Все увяли...
 Где их прежний жар?

МЕТЕОРИТ

Упал в тайгу метеорит.
«Когда?
Откуда?
Сколько весом?» —
Весь мир об этом говорит
С волнением и интересом.

В тайге, как на шоссе, затор,
Ученых и туристов масса...
«Из космоса к нам визитер!
Каков его состав и масса?!»

Ему намяли все бока,
По-докторски их обстучали.
«Такого не было века!
Как он красив!» — кругом кричали.

...Прекрасен был пейзаж лесной:
Реки мудреные извивы,
Утесы высились стеной,
Извечно горды, молчаливы.

Но их никто не замечал,
Хоть их прожектор освещал:
Подумаешь, какое чудо!
Вот если бы они Оттуда!..

Познал так много человек —
Вершины счастья и печали, —
Но свой полет,
Но мыслей бег
Всегда он направляет в дали.

ЧУДО

Я мечтал увидеть чудо это:
Как из почки, крохотен и чист,
Обновленья вечная примета,
Выскочит весенний первый лист.

За ветвями днем следил и ночью,
Ожиданья затаив в душе,
Чтобы чудо увидеть воочию...
И однажды крикнул день:
 «Уже!»

В праздничном волненье бесконечном,
Зеленью прикрыв себя едва,
Как невеста в платье подвенечном,
Трепетала юная листва.

Кажется, без дела не сидел я,
Кажется, глядел что было сил...
Как же так случилось — проглядел я?
Как я это чудо упустил?

СОПРИЧАСТНОСТЬ

Оно стояло —
Черное бревно,
Иссохший призрак дерева больного.
Сиял июль. Но было не дано
Его ветвям плоды лелеять снова.

И в миг, когда в корявый дряхлый ствол
Вошел топор, послушный чьей-то воле,
Молоденькая яблоня, листвою
Залепетав, согнулась в путах боли.

Тогда она впервые поняла,
Что через годы, в день хмельного лета,
Пройдя сквозь сад, на ствол наткнувшись слепо,
Топор изрубит жизнь ее дотла.

ПТЕНЕЦ

Однажды ветер, рощу обходя,
Разрушил стенку крошечного дома,
И выпал из гнезда птенец — дитя,
Не ведавшее помысла худого.
Ой вэй!
Ой вэй!

Когда домой вернулась птица-мать,
Неся в проворном клюве угощенье,
Не мог уже ни звука пропищать
Ее сынок, надежда, утешенье.
Ой вэй!
Ой вэй!

Кричали птицы целый день везде,
Стараясь пробудить птенца от смерти.
Звезда узнала ночью о беде,
Увидев кровь при белом лунном свете.
Ой вэй!
Ой вэй!

БЛАГОДАРЕНИЕ

Тебе спасибо, дерево, за то,
Что ты узор прохлады распростерло,
Когда река нагрелась, как плато,
Когда от зноя сохли мозг и горло.

Тебе спасибо, солнце, за лучи,
Пришедшие волной тепла и света,
Когда замерзли сосны и ручьи
Сбивала с ног тугая ярость ветра.

Спасибо, ветер. Ты сумел прогнать
Тяжелые взъерошенные тучи,
Когда впотьмах ушли надежды вспять
И злоба стала яростней и круче.

МЕСЯЦ ПОКОЯ

Вы слышали?
Месяц объявлен покоя!
Месяц покоя —
Счастье какое!
Пусть ружья уснут, зачехленные, ваши,
Патроны пускай отдохнут в патронташе.
Пусть зайцы играют безудержно в травах,
И лани пусть бегают вольно в дубравах,
Пусть в мире безмолвном, в лугах и в лесу
Нам птицы поют про земную красу!

Вы слышали?
Месяц объявлен покоя!
Месяц без выстрелов
И без разбоя!
А это — затихшие реки. А это —
Росистая пойма и пламя рассвета,
Замолкшие лопасти ваших моторок
И мир,
Что живому дыханию дорог.

Вы слышали?
Месяц объявлен покоя!
Месяц покоя —
Счастье какое!
Ветер-пилот отменяет полет,
С дерева листика не оборвет.
Тише!
Не смейте под пулю отдать
Журчанье ручья и зари благодать!

Вы слышали?
Месяц объявлен бессмертья!
Да это не просто —

Вы только поверьте!
Бессмертье клеста, и бессмертье листа,
Бессмертье норы, и бессмертье гнезда.
Растенья, и звери, и люди, и реки —
Открытые двери к бессмертью вовеки.
Журчанье ручья, соловьиные трели —
Четыре недели! Четыре недели!

Вы слышите?
Месяц объявлен покоя!
Месяц покоя —
Счастье какое!

Твоя рука на снегу

* * *

Светлой памяти Сарры

Мне открыться не пришлось —
Не хватило силы —
В том, что сердце так рвалось,
Так любви просило.

Брёл я молча за тобой
Призраком кудлатым,
Ревновал к тропе любой,
По которой шла ты.

Эх, спросила б напрямик:
Что застыл как глыба?
Почему я весь поник
И молчу, как рыба?

Нет, глаза твои горят
Искрами коварства...
Для меня ж и этот взгляд —
Наслажденья царство!

Сколько девушек в пути
Я встречал повсюду —
От тебя же не уйти:
Так ходить и буду!

ПРОСЬБА

Не вино, не каравай —
Губ твоих тепло
На дорогу ты мне дай —
Чтобы повезло;

Дай мне глаз твоих родник,
Мягкость милых рук —
Чтоб от жажды я не сник,
От сиротских мук;

И наряды мне не впрок
Там, в другом краю...
Вместо них, чтоб не продрог,
Нежность дай свою.

Утолю печали в ней,
Словно бы в вине...
Дай мне, что всего ценней, —
Поцелуй
дай мне!

СНЕГ

Наступает вечер. Снег летит как дым.
Завывает вьюга за окном моим.

Никого не жду я. Некого мне ждать.
Только вьюга будет жалобно рыдать;

Только будет ветер завывать в сосне,
Только будут звезды падать в белый снег.

Мне сейчас не надо ясных звезд в ночи —
Ярче и светлее глаз твоих лучи;

Всех светил любимей, чище, чем снега,
Далека, близка ли — ты мне дорога!

Снег дрожит, трепещет. Ветер так сердит.
За окном морозным вьюга всё гудит.

ЦВЕТЫ ИЗ ВСЕЛЕННОЙ

Может, в горних высях, на путях Вселенной,
Мне судьба откроет дар свой сокровенный.

Пусть неизмеримо будет расстояние,
Подари улыбку мне на расставанье.

Пусть бушуют штормы на путях астральных,
Все равно достигну звезд я самых дальних.

И, чтоб как-то скрасить дни твоей печали,
Привезу цветы я из вселенской дали.

То-то будет радость, то-то будет чудо:
Не дарил букетов ведь никто Оттуда!

Я не потеряюсь, хоть напастей много,
Лишь к тебе, любимой, приведет дорога;

Не прельстит Венера хитрою игрою —
Пролетая мимо, я глаза прикрою.

Ты не верь, коль скажет тот, кто в небе не был,
Что цветы Вселенной это просто небыль.

На Сатурне, Марсе, что сейчас так ярок,
Я, клянусь, найду их, привезу в подарок!

И когда вопросы зазвучат людские:
«Из какого сада? Где растут такие?» —

Ты ответишь просто, что таких здесь нету,
А слетал твой милый вон на ту планету!

ЕЕ ГЛАЗА

«У нее глаза, какие редки!
Я клянусь,
Они как солнца свет!»
А друзья смеются мне в ответ:
«Не бывает глаз такой расцветки!»

Я сержусь:
«Вы б сами поглядели —
Ведь такое видишь только раз!»
А они смеются:
«В самом деле?
Ты горазд выдумывать у нас!»

...Не удастся им меня обидеть,
Пусть смеются, если так смешно...
Да, не мог я глаз ее увидеть —
Ведь иначе бы ослеп давно!

ПОДАРИ!

Подари мне капельку
Нежности твоей —
Околдован буду я
До скончания дней.

Подари мне капельку
Света ясных глаз —
Лучезарным станет мой
Каждый день и час.

Подари мне капельку
С губ твоих вина —
Беспробудной радостью
Будет жизнь хмельна.

* * *

Молния сверкнула, грянул гром —
Крону отсекло, как топором.

Так, видать, назначено судьбой —
Ветви на земле пылят золой.

Смотрит, озирается вокруг
Ствол безглавый: что случилось вдруг?

Только корни в гулкой темноте
Ничего не знают о беде.

И как прежде сквозь земную мглу
Гонят сок живительный к стволу.

И струится сок, как кровь точь-в-точь,
День и ночь из раны,
День и ночь.

КОЛОКОЛЬЧИК

То нагрянет раскатом
Вдали, как гроза,
В легком воздухе, ветром колеблемом,
То рассыплется рядом
На все голоса,
Заливаясь трезвоном серебряным.

То лучей он звончей,
Тонкострунных во мгле,
То на окнах как зайчик мелькающий —
Сколько дней и ночей
Все он слышится мне,
Колокольчик, в ушах не смолкающий.

Я на голос бегу,
Озираясь вокруг,
По дорожкам, тропинкам, излучинам —
И понять не могу,
Где он спрятался вдруг,
Колокольчик, звоночек певучий мой.

Я уйду — он поет,
Он взлетает в зенит
Звонким эхом и голосом тающим,
И звенит, и поет,
И поет, и звенит
Колокольчик, в ушах не смолкающий...

ГВОЗДИКА НА СНЕГУ

Я знаю, ты ждешь меня в снег и в мороз,
Гвоздику — ты видишь — тебе я принес.
Букетик гвоздик, словно огненный блик,
Сверкнет,
И увидеть твой брезжащий лик
Могу...
Гвоздика на снегу.

Зачем же поднять тебе веки невмочь?
Смотри:
Расступается дымная ночь.
Морозный в березах рассвет проступил,
И солнечный, сказочный луч осветил
В кругу
Гвоздику на снегу.

А может, лучи тебе очи слепят,
Чуть их приоткроешь — от света болят?
А может, обиделась?
Ты уж прости,
Что в горестном я задержался пути.
Бегу...
Гвоздика на снегу.

Не надо,
Не нужно иных мне наград —
Мне только бы снова увидеть твой взгляд...
Букетик гвоздик вот тебе я принес,
В снежинках растаявших,
В капельках слез...
Как жизни залог на земном
Берегу.
Гвоздика на снегу.

БЕЗ ОТВЕТА

Как слепец стучит своей палкой,
Пробираясь стезею жалкой,
Точно так —
Наугад, вслепую —
Твоего дыханья ищу я.

Но пустынна миров окрестность —
Пустота кругом,
Неизвестность.

Я ищу твоих нежных объятий —
Кто посмел у меня отнять их?
И стучит,
И стучит мой посох,
Утоная в снегах и росах.

Я твой смех
Ищу, словно милость,
Молчаливость и говорливость:
Может, рядом проходишь где-то?
Постучу —
Подожду ответа.

Но впустую
Гремит мой посох —
Лишь булыжников отголосок.

ВЕЧЕР

Пыль покрыла грузный шкаф.
Вечер.
Вечер длинный.
Шкаф стоит, полтени смяв.
Он да я —
Одни мы.

И пустынно так в дому,
Тишина сгустилась.
Где ты ходишь — не пойму.
Что с тобой случилось?

Скоро зори догорят.
Тает круг блестящий.
Выбирай себе наряд —
Самый подходящий.

Бусы — капельки огня,
Перстенок с подсветом.
Ты любила, знаю я,
Угодить мне в этом...

Нет, не стану говорить,
Что забот по горло:
Я прогулкой угодить
Рад тебе покорно.

Входят сумерки во двор,
Вот и солнце скрылось...
Где ж ты ходишь до сих пор?
Что с тобой случилось?

* * *

Роняя, как слезы, тяжелые росы,
Всем станом вбирая подземные силы,
Береза,
Сияющий контур березы
Безмолвно стоит в изголовье могилы.

На раннем рассвете
И в сумраках алых
Который уж год она смотрится в дали —
Никто этих лет не слагал,
Не считал их,
А может быть, просто им счет потеряли.

Береза —
Как страж над безмолвьем привала,
Не можешь ли ты отодвинуться малость,
Чтоб рядышком с ней здесь я встал,
Как бывало,
Как в жизни стоять каждый день нам случалось?

От бурь и невзгод побелев и застынув,
Как ствол твой, береза, что светит белесо,
Ни дней, ни годов не считаю пустынных —
Отдай,
Уступи свое место, береза!

От зноя ее заслонив до заката,
От ливней,
От ветра укрыв ее кроной,
Я ночью и днем, как бывало когда-то,
Над ней бы стоял —
Над травой зеленой.

Отдай,
Уступи свое место, берега!..

ЖЕЛТЫЙ ЛИСТ

Лист первый желтый до чего красив!

В зеленых братьях зависть заронив,
В лесу он вызвал гомон восхищенья.

Но слышат ли они сквозь птичье пенье,
Что нечему завидовать уже,
Что сохнет лист, что жизнь на рубеже?

И лишь поймут, когда иссохший тот
Пожухлый лист на землю упадет...

ПОСРЕДИ ПУТИ

Таким оно застыло,
То мгновение —
Последнее к устам прикосновение.

Последний,
Отзвучавший сердца стук —
И черным стал он, белый свет вокруг.

Как мгла стоит в глазах, глядящих слепо,—
Сплошную тучей затянуло небо.

Застряло солнце в облаке глухом —
Но ты уже не ведала о том...

Таким застыл он,
День незавершенный,
Истока света засветло лишенный.

День, что не в силах к ночи добрести,
Меня оставив посреди пути.

Так и стою безмолвно, одиноко.
Зову —
Меня не слышишь издалека.

Застыло время тяжестью свинца,
И нет начала больше и конца.

Таким оно осталось,
То мгновение —
Последнее твое сердцебиенье.

Последний,
Как река застывший взгляд —
И нет пути вперед,
И нет назад.

ЗОВУ ТЕБЯ

Я зову тебя стократно,
Веет тьма, и ночь идет —
В этом мире необъятном
Лишь тебя недостает.

Я зову тебя с рассветом:
Брезжит день, как озерцо,
Лес шумит, разбужен летом,
Пенье птиц — твое лицо.

Окликаю неустанно
В полдень, рыщу по полям,
На краю земли я стану:
Может, ходишь где-то там?

Может, под вечер ты снова
Явишься в заветный час,
И ловлю твой голос, словно
Полюбил я в первый раз.

баллады

БАЛЛАДА О ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ

В 1921 году, во время голода в Поволжье, В. И. Ленин сдал в пользу голодающих золотую медаль, полученную им за отличное окончание гимназии.

Колечко
И брошь,
Пара тонких серег,
Жемчужная нитка,
Старинный наперсток
Упали в расстеленный кем-то платок,
И сгрудились в горку, и съезжились в горстку.

Но двери скрипели,
Не молкли шаги,
И словно бы дождик стучал по скатерке...
Уж близился вечер,
А люди все шли —
И полнилась, полнилась скудная горка.

Работница с Пресни.
С Тверской хлебопек
Шли медленно, что-то в ладонях сжимая...
Казалось, одною дорогой — в Совет —
Шагала в тот день вся Москва трудовая.

Арбатский мальчишка.
Зарядьевский дед.
С Рогожской заставы невеста.
— Возьмите часы и вот этот браслет...
От бабушки нашей остались в наследство.

— Подсвечник,
Кораллы кухни моей,
Заколка
И запонки — тоже берите...
Но только спасите от смерти детей,
Поволжье от смерти голодной спасите!

Поток доброты бесконечен людской.
И вот уж Москва озарилась рассветом
И бросило солнце свой луч золотой
На яркую грудь в окно Моссовета.

Тогда-то,
В тот самый предутренний час,
Москва Ильича у дверей увидала...
И сразу же весть по толпе разносилась —
Как будто бы рябь по реке пробежала.

А он
Поклонился Москве не спеша,
К столу потянулся и как-то несмело
Над грудой сияющей пальцы разжал —
И снова металлом она зазвенела.

Что думал в тот миг он, земли исполин?
...Ах, радость, конечно, мешалась с печалью,
Когда он прощался, как с детством своим,
С единственной, маленькой, школьной медалью!

Да что там брильянты
И блеск жемчугов,
Браслеты и кольца... Когда мы медали
И судьбы свои, без раздумий и слов,
Тебе, Революция наша, вручали!

БАЛЛАДА О СЫНОВЬЯХ-РОМАНТИКАХ

Не забыть этих давних прощаний:
Где-нибудь на краю городка,
Уложив чемоданчик с вещами,
Провожает мамаша сына.

И сочувственно смотрят соседи:
Ох и выдался век матерям!
— Говорят, что там бродят медведи,
Что, сыночек, ты там потерял?

А парнишка — из тех, неумных,
Что не зарятся на каравай,
Не удержит родительский дом их:
Им романтику подавай!

— Мама, там города вырастают:
Комсомольск и Биробиджан...
— Разве здесь тебе дел не хватает?
Ты одумайся, мальчуган!

Но глядит он уже отрешенно,
И в глазах его — даль дорог,
Комсомольские эшелоны,
Уходящие на восток...

Отшумели те годы... Едва ли
Нам сыскать уже тех матерей.
Сыновья стариками стали,
Но горит в них запал тех дней.

В смене времени быстротечной
Не заржавел прекрасный сплав.
Ну хоть каждому памятник вечный
Из чистейшего золота ставь!

И опять, неумно весел,
Будоражит лесную ширь
Перезвон комсомольских песен,
Что летят за Урал и Сибирь.

Правда, рассказней про медведей
Не слышать —
Но все так же точь-в-точь
Плачут мамы и смотрят соседи,
Как прощается сын или дочь.

— Подожди, объясни сначала:
Что за бешеный вы народ?
Или тесно в Москве вам стало?
Ну куда вас всех черт несет?

А парнишка смотрит упрямо,
Лишь улыбка скользит по губам:
— Ах, ну что тут спрашивать, мама?
Этот черт несет нас на БАМ!..

О юнцы! О народец зеленый!
Лишь на воле поет соловей!
И опять на восток эшелоны
Мчат сынов былых сыновей.

Есть конец этим трассам едва ли —
Ведь уходят они, как в века.
Раскрывают
Романтикам дали
Приамурье, Байкал и тайга...

В СЕЛЕ ПОД ТАМБОВОМ

В селе под Тамбовом всю ночь напролет
Поет перепелка и спать не дает.

Под вечер в березовом этом краю
Я встретил смуглянку — землячку мою.

Змеиные косы, лукавинка глаз...
Неужто еврейка? Откуда взялась?

А утром на ферме вдруг слышу чуть свет:
— Эй, Роза, привет!
— Коль не шутишь, привет!

Идет как по струнке, стройна и легка,
Несет, не плеснет два ведра молока.

— Ну, Роза, а в гости когда пригласишь?
— В четверг после дождика... Коль не проспшишь!

Отбреет — и высунет злой язычок.
Доярки смеются. А парень — молчок.

Парторг улыбнулся в ответ на вопрос:
— Побольше б нам вырастить таких роз!

— А руки такие, — парторг говорит, —
За что ни возьмется — кипит и горит.

— И в девках сидеть не до старости ей:
Проходу на улице нет от парней!..

Так что же, землячка, тебя привело
В тамбовское это большое село?

Как стала красою тамбовских полей?
Кто нежил тебя в колыбельке твоей?

Кто чудо такое вскормил и взрастил?
Кто в школе учил и к труду прирастил?

...В селе под Тамбовом, присев у крыльца,
Я повесть услышал.
И нет в ней конца.

Но есть в ней начало — начало начал.
Солдат своей грудью врага повстречал

И вынес, крещенный огнем и свинцом,
Из боя ребенка со смуглым лицом.

Пылал городишко, пожаром объят,
Ушел навсегда в этот город солдат.

И кто-то другой в перелесок, в обоз,
Уснувшую девочку тихо отнес.

От ветра осеннего холодом жгло,
Но было в солдатских руках ей тепло.

Ей чудилось, будто у мамы она...
Но шла по пятам, наступала война.

Тележным путем, колеей большаков
В деревню попала под город Тамбов.

И русская мать ее сон берегла,
И — сколько своим — отдавала тепла.

И русские дети последним куском
Делились с девочкой со смуглым лицом.

Был сладок тот хлеб и уютен тот кров...
И вот уже Розе семнадцать годков.

Еврейская девушка, знойная кровь.
Под вечер гармонисты поют про любовь.

И где-то в хохочущих стайках девчат
Ее каблучки по мосточкам стучат.

И голос задорный звенит как струна,
И парни стоят на часах у окна.

...В селе под Тамбовом всю ночь напролет
Поет перепелка и спать не дает.

БАЛЛАДА О ХЛЕБЕ

Говорит жена: «Я сбилась с ног,
Ты купил бы хлеба, муженек!»

Продавщица — вежливость сама;
На лице у ней веснушек тьма,

Щечки — розы, губы — прямо ах!
Доброта видна в ее глазах.

Говорю ей, помня о жене:
«Взвесьте, если можно, хлеба мне».

«Можно, можно, отпущу тотчас —
Все, что есть на полках, всё для вас!»

Я гляжу на полки — красота:
Булоч, хлеба разные сорта.

«Что же взять?» — в раздумье тру висок...
«А нельзя ли... солнышка кусок?»

Ведь без солнца не было б зерна...»
«Да, да, да,— кивает мне она,—

Вот немножко солнца на окне...»
И берет и взвешивает мне.

«Что ж, за солнце вас благодарю,
А вдобавок взвесьте, — говорю, —

Мне небесной той голубизны:
Ведь зерну простор и ширь нужны».

И опять кивнула головой
И дала простор мне голубой.

«А теперь, — сказал я погодя, —
Дайте мне немножечко дождя».

И она, поверите иль нет,
Отпустила мне дождя в пакет.

«Но зерно ведь требует труда:
Дайте каплю пота мне тогда».

«Ой, у пахаря полно забот...» —
И по капле отпускает пот.

«А еще, — сказал я, — для зерна
Подходящая земля нужна».

«Вы в удачный час ко мне пришли —
Вот кусок ухоженной земли!»

«Ну, спасибо, — улыбаюсь ей, —
Взял товара — нет его ценней!»

«Так-то так, но я должна сказать:
Кое-что еще вам надо взять...

Ведь нужны для сева семена —
Их как раз и нету у меня».

«Без семян, — я говорю, — беда,
Но взгляните, милая, туда:

Ласточки там вьются у окна —
Вот кто принесет нам семена...»

«...Ну, — жена спросила, — хлеб принес?»
Высыпаю ей покупок воз:

Небо, солнце, землю — благодать! —
Без чего нам хлеба не видать;

Капли пота — вот... еще... еще —
Тех, кто потрудился горячо.

Ласточки стучатся к нам в окно:
«Мы несем,
 несем,
 несем
 зерно!»

БАЛЛАДА О ЗАМКАХ

Я видел в музее пудовый замок:
Был язвой сплошных червоточин
Изъеден, как оспой, железа брусок.

Кем выкован он и обточен
С такою прилежностью и мастерством
И чей запирает он амбар или дом,
Какие стерег он богатства, —
Попробуй теперь догадаться!

Когда-то замок был силен, как закон,
Хозяйничал он полновластно:
И правда, и честь, и мечта под замком,
И разум, и счастье, и ласка.

Тянулись тяжелые тучи веков
И в гроб поколения вгоняли.
Все знало свой срок.
Не считая замков —
Замки лишь хозяев меняли.

Попозже сочли, что доверить добро
Пудовому стражу, пожалуй, старо:
Закон — он не только для веса...
А веянья где же прогресса?

И вот за короткий сравнительно срок
(И мы уже были при этом)
Явились французский, английский замок,
Магнитный замок, электронный замок,
С мелодией, с шифром, с секретом...

Сосед мой, добряк, основательно взмок:
Весь день с удивительным рвением
Врезает,
Врезает,
Врезает замок,
Косясь на меня с подозреньем.
Отличный мужик, и давно мне знаком,
А все ж... не сходить ли за новым замком?

О, предки, простите меня!
Не пойму.
О, люди минувших столетий,
За что наказание такое?
К чему
Проклятья нам древние эти?

Давно уж хребет мы сломали старью,
Страна наша счастье дала нам.
Мои современники!
Славу пою
Свершениям вашим и планам.

Неужто мы, люди, достигшие звезд,
Не вырвем замки из проржавленных гнезд?

В открытые двери с открытой душой
Входи и сосед, и прохожий.
К чертям их —
И малый замок, и большой:
Доверие к людям — дороже!

А что ж до замков и любой их родни
(Цепочки,
Крюпочки,
Засовы) —
Как древние ящеры, вымрут они...
И мне их не жаль, право слово!

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ НА ПЛАНЕТЕ МЕРКУРИЙ

Международный Астрономический
Союз присвоил кратерам планеты
Меркурий имена выдающихся писателей —
Пушкина, Лермонтова, Тургенева,
Чехова, Саади, Шолом-Алейхема... и других.

Из газет

1

Он птицей волшебной явился ко мне —
Его я увидел под утро в окне.
«Вставай! — гроыхнул его зов за окном.—
Со мной увидаться не сможешь ты днем». —
Окно растворив, я спросил:
«Кто же ты?
Откуда явился?
С какой высоты?
Зачем прилетаешь ни свет ни заря,
Проделал свой путь ты, наверно, не зря?..»

Встряхнувшись, глаза я пошире открыл
И вижу сиянье серебряных крыл —
Сверкают они над его головой...
«Меркурий?» —
«Конечно. Я снова с тобой». —

«Ты часто светил мне, мой друг, с вышины.
Я знаю, что две у тебя стороны:
Бываешь дневной ты,
Бываешь — ночной...
Какой ты повернут сейчас стороной?»
Меркурий смеется:
«Ну-ну, не грусти,
Могу ли я темень тебе принести?
Оттуда лечу, где немеркнущий свет,
Несу из бескрайней Вселенной привет
Землянам...»
Тут голос осекся его,
И больше не слышу совсем ничего.
Гляжу с удивленьем
Меркурия нет,
Лишь тает на небе серебряный след.
Досадно...
А впрочем, я знаю давно:
С зарею ему исчезать суждено.

2

Сегодняшней ночью совсем не уснул —
Окно растворил я и дверь распахнул:
А ну как, еще не начнёт рассветать,
Небесный посланец примчится опять?..

Вот вижу я свет серебристый вдали,
Всё ближе он, ближе от кромки земли;
У двери моей замедляет свой бег...
«Часы ожидания длились, как век! —
Ему я сказал. —
Ну, скорей говори,
Опять ведь исчезнешь с приходом зари!
Вчера ты хотел...»
Он прервал мой вопрос:

«Привет я принес
И улыбку принес
Тебе и землянам твоим...»
«От кого?» —
«Зовете вы Шолом-Алейхем его...
Вся в кратерных-жерлах планета моя —
Писательская собралась там семья:
Тургенев и Пушкин, Толстой, Саади —
Плеяда великих — их больше двухсот.
Достойны они безграничных высот!
Не зря ведь, наверное, дети земли
Их так высоко над собой вознесли». —
«Спасибо, посланец, за этот привет,
Но что же сказать я посмею в ответ —
Ведь я...»
Тут заря показалась в окне,
Посланец исчез в голубой глубине.

И стало вокруг и на сердце светло —
В окно мое
Солнце с улыбкой вошло.

БАЛЛАДА О ШРАМЕ

«Не нравится что-то твоя мне рожа...
А ну-ка, сюда иди!» —
Белогвардеец пашку из ножен
Приставил отцу к груди.

Лицо отцовское пепла серее,
Не видно кровинки в нем.
«Давай, давай, подходи быстрее...
Пора кончать с жиловьем!»

Казалось, глаза его искры мечут
Вслед сабельному острию...
И тут озверелому кату навстречу
Бросило маму мою.

И колыбель, и отца прикрыла
Она от палаческих рук;
Словно большие бесстрашные крылья,
Вскинулись руки вдруг.

И отступил подонок от мамы,
Но пашки ткнул острие —
И из руки
В глаза ему прямо
Брызнула кровь ее...

Быль эта,
словно легенда, витала,
Гордо жила средь людей...
А в сорок втором
мамы не стало,
Не стало мамы моей.

В те дни, когда гибель шагала по странам
И ужас жил наяву,
Шла моя мама
со старым шрамом,
Молча со всеми ко рву.

Шла она, сильная дивной силой,
Навстречу катам своим,
И, прежде чем пуля ее скосила,
Руки
ответили им.

В самом последнем, предсмертном усилье —
Пускай спасется мой внук! —
Вновь,
Как большие бесстрашные крылья,
Они распростерлись вдруг.

И сабельный шрам блеснул —
Тот самый —
В этот последний час...
И всё.
И в вечность канула мама —
Легендой ушла от нас.

ВИЛЬНЮС, ДЕКАБРЬ 1976

Светлой памяти Моисея Тейфа

Опоздал я...
Или поезд это
Опоздал на тридцать с лишним лет?
Тейфа я ищу...
Да, да, поэта,
Где же он?
Его давно уж нет...

Твердь земную под собой не чув,
Крепко ветер обнял я —
И вот:
На его крылах — куда? — лечу я...
В Вильнюсе окончен мой полет.

Пролетев над Замковой горою,
Ветер приземлился:
«Сам пойдешь!»
Огненной повеяло жарою...

Я шаги замедлил...
Била дрожь.

Домики...
Свои печали, тайны...
Улица сгибается дугой.
Вот он, переулок «Гитки-Тайбы»...
Слышу стих — как барабанный бой:
«Эй, вставайте,
Заводилы,
Хохмачи
И книгочеи!..»¹

Стал я звать поэта,
Как бывало,
А из окон смотрят на меня:
«Спятил, дядя?
Или выпил мало?
Что ты поднял гвалт
Средь бела дня?!»

Тут уж все, кто выскочил из дома,
Извинили рвение мое...
Музыка гремит...
Она знакома:
Как могу я не узнать ее?!

Ну, конечно:
Ведь играет Мейлех²,
Он со скрипкою в руках,
Живой...

¹ Стихи М. Тейфа, перевод Ю. Мориц.

² Мейлех Левин — герой поэмы М. Тейфа.

Вильнюс в танце,
Вильнюс пляшет фрейлехс,
Вильнюс кружит
В пляске огневой!

Во Дворце культуры стены пляшут,
Все в обнимку пляшут, топоча:
Сыновья и внуки —
Наши, ваши,
А не только внуки скрипача.

«Эй, вставайте,
Заводилы,
Хохмачи
И книгочеи!..»

Снова вспомнил:
Мы ведь в бывшем гетто,
И опять повеял страшный жар...
Я услышал ноты скорби —
Это
Пепел жертв
Летел к нам сквозь Понар¹...

«Ам кшей ойреф!»² —
Сколько в этом кличе!
Заглушает музыка слова...

Из Литвы я прибыл утром нынче
Скорым под названием «Летува».

¹ Понар — район гетто под Каунасом.
² Ам кшей ойреф — упрямый народ (древнеевр.).

РАЗГОВОР С ЗЕРКАЛЬНЫХ ДЕЛ МАСТЕРОМ

— Жалко тебе, что ли,
Мастер мой милейший?
Ну, яви нам чудо химии новейшей:
Капни чуть побольше чистой амальгамы,
Чтоб смягчить немного человечьи драмы.

Это ведь нетрудно — колбы под рукою,
И секреты прятать от людей негоже:
Смастери нам, мастер, зеркало такое,
Чтобы в нем все лица сделались моложе.

Отвечает мастер:
— Ты, как видно, спятил!
Никогда я даром времени не тратил.

Говорил я:
— Боже упаси от шуток,
Я клянусь, что здравый у меня рассудок.
Но взгляни на деда — как согнуло плечи...
Облик возврати ему статного мужчины!
А лицо у бабушки — тоже хвастать нечем,
Ты разгладь, пожалуйста, все ее морщины!
И отцу и матери дай совет полезный,
Чтоб не безобразили их годы и болезни...
Ну яви же чудо зеркалом волшебным —
Исцели их, мастер, веществом целебным!
Но, должно быть, мастер — человек жестокий.
— Ты смотри, — вскричал он, — что безумцу надо:
Чтобы я, зеркальщик, исправлял пороки?
Нет уж! Отразится в зеркале лишь правда!..

Ах ты мастер милый,
За тебя обидно:
Каплю амальгамы
Пожалел, как видно.

ГОЛУБЬ И ТАНК

Голубь — и танк.
Танк — и голубь...
Словно молнией воздух расколот
На ночь и на день,
На свет и на тень,
Словно холод и зной, огонь и вода —
Не совместимые никогда.

Грозною памятью жарких боев
Танк, что когда-то был страшен, суров,
Мертво стоит, как железа гора...

А рядом играет в песке детвора.
И вдруг я на замерший танк посмотрел:
Голубь на башню повисшую сел
И клюнул бесстрашно заржавленный ствол...

А дети глядели, смеясь, на него:
Ни голубь, ни дети не знали о том,
Как вспахивал танк этот землю огнем...

Тот миг был прекрасен и неповторим
Противоречием странным своим:
Голубь — и танк,
Танк — и голубь,
И мир пред тобою как будто расколот
На свет и на тень,
На ночь и на день,
На зной и на холод,
Огонь — и вода...

Непостижим этот мир никогда!

БАЛЛАДА О МАЛЬЧИКЕ И ДЕВОЧКЕ

Почти нагой стоял мальчишка в сквере,
А ветер дул, дела свои верша;
Уже трудилась осень в полной мере:
Кружились листья, падали, шурша.

Стоял мальчишка около бассейна,
Совсем один, не плакал, не кричал;
А дождь, как сито,
капли мелко сеял,
Лепились листья к голеньким плечам.

Но жизнь кипела в сквере том осеннем,
Хотя повеяло уже зимой;
И, детским зараженные весельем,
Не торопились матери домой.

А мальчуган стоял, веселью чуждый,
Такой же молчаливый и нагой;
Как вдруг его заметила девчущка,
Взглянула на него разок-другой.

«Ой, мама, посмотри, — она сказала, —
Ведь он стоит совсем без ничего!»
И детское ее сердечко сжалось —
От жалости, от страха за него.

«Зачем пришел раздетый и разутый?
Сейчас уж не купается никто,
Нельзя так оставаться ни минуты —
Вот на, скорей...

Возьми мое пальто!

А как тебя зовут?.. Оденься, ну-ка!
Чего же ты молчишь?..
Ты что, немой?..»

Но мальчуган не произнес ни звука,
Не взял пальто, не побежал домой.

А ведь стояла стылая погода...
Ох, я добавить чуть не позабыл,
Что девочка была сама природа,
А мальчик вылеплен из гипса был.

БАЛЛАДА ОБ ОДИНОКОЙ СОБАКЕ

Вселялись люди в новый дом.
К подъезду
Спешили в суете со всех концов.
А вечером сюда с вещами вместе
Привез собаку кто-то из жильцов.

Был пес из той породы, у которых
Глаза остры и в лапах много сил,
Он чутким ухом слышал каждый шорох
И двор хозяйский зорко сторожил.

Пылали окна яркими лучами,
Упругий свет бросая на асфальт,
А пес стоял на улице печально,
На дом уставив свой тоскливый взгляд.

И он скулил надрывно, одиноко,
Как будто миру предъявляя счет:
Какие сторожить сегодня окна?
И где хозяин с этих пор живет?

И думал пес, косясь на незнакомых,
Что совершенно лишним стал он вдруг:
Среди людей, живущих в этом доме,

Поди-ка различи, кто враг, кто друг!..

Ну лай!

Ну лай!

Кому тебе поведать

Печаль и злобу, если человек

Отнять решил законы те, что предки

Твои несли давно из века в век?

А может, вообще никто не будет
Тебя теперь науськивать и злить
И явится однажды дружба к людям,
Чтоб полною хозяйкой в доме жить.

Свет в темноту полночную бросая,
Огромный дом пылал пожаром звезд,
А рядом, заливаясь громким лаем,
От злости задыхался глупый пес.

КРЫМЧАКСКИЕ МОТИВЫ¹

1. Богач и бедняк

Вот сказка простая, совсем небольшая —
Ее вам поведаю, не поспешая;
Ведь главное дело — начать,
А коль надоест, то могу помолчать...

Бедняк с богачом, бедняк с богачом
Сравняться не могут, поверьте, ни в чем!

¹ Крымчаки — этнографическая группа евреев, говорящих на крымско-татарском языке. Во время войны гитлеровские войска уничтожили в Крыму 80% живших там крымчанов.

Богач на коне горделиво промчится —
Он горный хребет одолеет как птица;
Бедняк же на голой равнине сплошной
Зацепится даже за ком земляной.

Богач ест и пьет каждый день до отвала —
И все ему мало, и все ему мало;
У бедного вечно тарелка суха,
Хотя и мечтал лишь о горстке жмыха.

Богач наряжается в лучшие платья
Из тканей таких — не могу и назвать я;
Бедняк же не знает, где тряпку достать,
Чтоб ветхую рвань кое-как залатать.

Скончался богач — и тотчас над могилой
Возвысится мраморный камень унылый;
Бедняк умирает, но холм его пуст:
За так и колючек не вырастет куст.

Ой, нет, и взаправду бедняк с богачом
Не сходны ни в чем, не сходны ни в чем!

2. Розу я сорвал в саду...

Розу я сорвал в саду на склоне,
Пусть расскажет о любви цветок;
Вдруг увидел в лепестках огонь я...
Плачет кровью каждый лепесток.

Сразу слезы на глазах нависли,
Превратилось в камень сердце вдруг...
И в лицо смеялся ненавистник,
И рыдал от горя верный друг.

Скрипку я качаю на ладони —
Для любимой пусть поет она;
Между струн увидел вдруг огонь я...
Плачет кровью каждая струна.

Пусть мою любовь письмо нагонит —
Напишу я милой про любовь;
Под пером увидел вдруг огонь я...
Плакало перо.
Сочилась кровь.

Снова слезы на глазах нависли,
Обернулось камнем сердце вдруг...
И опять смеялся ненавистник
И рыдал от горя верный друг.

3. Исцели меня

Ой, беда со мной случилась,
Окажи мне, боже, милость:
Чем терпеть такую боль,
Умереть ты мне позволь!

Горемычному внимли:
Исцели же, исцели!

Над рекой деревьев кроны
Шлют воде свои поклоны;
Лодочник, далек твой путь?
Отвези куда-нибудь!

Нет любимой — улетела,
Я печален без предела,
Вся любовь пошла ко дну —
Как же я ее верну?

Лишь приникну к изголовью,
Обольется сердце кровью;
Встречу камень на лугу —
Я слезой его прожгу.

Обойду я все дороги,
Истопчу до крови ноги;
Где искать?

Куда брести?
Как печаль перенести?

Сколько взоров любопытных! —
Как избавиться от пытки?
Эх, от вас уплыл бы я
Рыбой в дальние края!

От меня ты так далёка,
Но вплети меня в свой локон;
А потом на склоне дня
Ты оплакивай меня!

Все бледней луна, бледнее,
А ручей бурлит слышнее;
Пусть ко мне твой вздох и взгляд
На прощанье долетят.

Вот и осень — ветка вянет,
Скоро и меня не станет,
Ты склонись перед моим
Серым камнем гробовым.

Боже! Не видать ни зги...
Исцели же...

Помоги!

4. От одного до ста

Ребенок родился у смертных двух людей;
Похож он на росток. Похож на всех детей.

И вот ему уж год. Он сделал первый шаг.
Похож он на листву, где птицы шебаршат.

Два годика ему. От каш воротит нос.
В три года он прямей уж голову понес.

В четыре стал ловчей, проворнее чуток;
А в пять он прянул ввысь и вправду как цветок.

К шести — уже зубов белеет крепкий ряд;
К семи — он хочет все не так, как говорят.

К восьми — от рук и ног заметен явный прок;
А к девяти — хорош он, точно лунный рог.

И если в десять он — раскрывшийся бутон,
К одиннадцати стал еще прекрасней он.

К двенадцати бурлит в нем молодая кровь;
К тринадцати — дугой он выгибает бровь.

В четырнадцать — видны движения души;
В пятнадцать — и лицо, и тело хороши.

В шестнадцать гордо он выпячивает грудь;
В семнадцать он готов из дома в первый путь.

А в восемнадцать лет — высок, как кипарис,
А в девятнадцать лет — готов идти на риск.

Вот ровно двадцать — он, подобно льву, силен,
Из многих юных дев невесту выбрал он.

Еще пять лет прошло — нет легкости в душе;
А в тридцать он трезвей и сдержанней уже.

Друзьями окружен — благословенный муж —
Он к тридцати пяти. И опытен, к тому ж.

Под сорок лет — в земле полно его корней;
А в сорок пять — жены совет всего нужней.

В полсотни — молит он прощенья за грехи
И гнется, как тростник на берегах реки.

Еще пять лет — и дни все стороной скользят;
Тупая боль свела колени — в шестьдесят.

Пять лет еще — туман плутает меж ресниц;
Он как подгнивший ствол — приют полночных птиц.

К семидесяти стар; прошло еще пяток —
Уже не чует он ни рук своих, ни ног.

К восьмидесяти все исчезло, словно сон;
Как брошенная степь — он пуст и запылен.

Все зубы потерял он в восемьдесят пять;
А в девяносто он не может сесть и встать.

Еще пять лет пройдет под знаком доли злой;
А в сто он наконец сравняется с землей.

5. Остались мы вдвоем

Ты ведь любимая самая,
Спляшем давай и споем!
Дай поцелую, жена моя,
Славно, когда мы вдвоем!

Эх, праздник такой в году только раз —
Живей приберись, голубушка!
Искусница, умница ты у нас,
Женушка милая, любушка!

Украшен узорчатым серебром
Мой алый кафтан, голубушка.
Коль сваты придут, их встретим добром —
Так у нас водится, любушка!

Птицы, гнездо свое свейте скорей!
Снег уже тает, голубушка...
Кто-то стучится у наших дверей —
Встречай гостей, моя любушка.

Шолом алейхем, пришедшим я рад...
Да это ведь сваты, голубушка!
Давайте знакомиться все подряд,
Вино разливай, моя любушка!

Бубен цветами украсил я —
На свадьбе звенеть, голубушка!
Мы породниться с вами, друзья,
Хотели давно — правда, любушка?

Я надан¹ собрал —

в нем немало монет,

Это не шутки, голубушка...

Дочек красивей, чем наши, нет —

Удачные дочки, любушка!

Мрамор свезу я из разных мест,

Дома им построю, голубушка...

Ой, посмотри, уже наших невест

Выводят в дорогу, любушка!

Ты ведь любимая самая,

Спляшем давай и споем!

Дай поцелую, жена моя,

Остались теперь мы вдвоем...

6. Крик человеческий

Для вас это вроде забавы —

Наш стон, и смятение, и плач...

Куда ты ведешь нас, кровавый

Убийца, проклятый палач?!

С просторов таврических, древних

Кричали мы словно из тьмы:

Качались от крика деревья,

И корчились в муке холмы;

А дети невинные спали,

Прильнув к материнской груди, —

И вместе нас всех закопали...

Суди же их, Время, суди!

Отрыли нам рвы на славу —

Спасения больше нет.

Но след остается кровавый,

И люди увидят след.

Убийцы напрасно ликуют —

Священную кровь им не смыть.

Но силу найдешь ли такую,

Народ, чтоб родиться и быть?

В степи, каменистой и голой,

Где столько смертей и потерь,

Один, как случайный осколок,

Остался лежать я теперь.

¹ Н а д а н — приданое (евр.).

СОДЕРЖАНИЕ

Моя погода. Перевод Л. Мезинова	3
---	---

РОДОСЛОВНАЯ

Продолжение. Перевод В. Андреева	5
Родная земля. Перевод Н. Бабицкой	6
Что случилось бы со мной? Перевод Л. Мезинова	7
В эти сто восемь минут. Перевод Н. Бабицкой	8
«Всегда, на всех наречьях слово «вёс»...» Перевод Н. Бабицкой	8
Фронтвикам. Перевод Ю. Хазанова	9
У обелиска. Перевод А. Бродского	10
Подпись под воззванием о мире. Перевод В. Андреева	11
Мое сердце. Перевод Ю. Хазанова	12
Родословная. Перевод Л. Беринского	13
Сон. Перевод Ю. Хазанова	14
Слово о детях и внуках. Перевод О. Стрижака	15
Шолом алейхем! Перевод Ю. Хазанова	16
Борение. Перевод Ю. Хазанова	17

Странная память. Перевод Ю. Хазанова	18
Жажда жизни. Перевод О. Стрижака	19
Вдохновение. Перевод В. Андреева	21
Не троньте мечтателя! Перевод А. Бродского	22
Сострадание. Перевод В. Андреева	23
В универмаге. Перевод О. Стрижака	24
Со всеми рядом. Перевод Ю. Хазанова	25
Пчела. Перевод Ю. Хазанова	26
Будь чист и прост. Перевод Р. Добровенского	27
«Что проку в красивых и звучных речах?..» Перевод Л. Мезинова	28
Музыка. Перевод Ю. Хазанова	29
Тишина. Перевод Н. Бабицкой	30
Фальшивая нота. Перевод Ю. Хазанова	30
«Сегодня я, быть может, в первый раз...» Перевод Н. Бабицкой	31
Слова. Перевод Н. Бабицкой	32
В путь! Перевод В. Андреева	32

ПЕРВЫЙ ГЛОТОК

Скорый поезд «Россия». Перевод Л. Мезинова	34
На дорогах Сибири. Перевод А. Бродского	36
Провода звенят. Перевод А. Бродского	37
Дивногорск. Перевод В. Андреева	38
У Красноярской ГЭС. Перевод А. Бродского	40
В Новокузнецке. Перевод А. Бродского	41
Алтайское солнце. Перевод В. Андреева	42
Первый глоток. Перевод Л. Беринского	43
Биробиджанский парк. Перевод А. Бродского	44
Автобус. Перевод А. Бродского	45

«Целый день разборчивое небо...»

Перевод Н. Бабицкой	46
Наводнение. Перевод А. Бродского	47
Первопроходцы. Перевод Л. Беринского	47
Закат. Перевод Н. Бабицкой	48
Звезда. Перевод Л. Беринского	48
Тихая Бира. Перевод Л. Беринского	49
Пойдемте, Люба! Перевод А. Бродского	50
Дальневосточная осень. Перевод Л. Беринского	51
Последний лист. Перевод О. Стрижака	52
Скамейка в парке. Перевод Н. Бабицкой	53
Тайна. Перевод Л. Беринского	54
Вместе. Перевод Н. Бабицкой	54
Уже светает. Перевод Л. Беринского	55
Пила и дерево. Перевод Ю. Хазанова	56
Моя трава. Перевод Ю. Хазанова	56
Доброе утро, город! Перевод А. Бродского	57
«Дожди всю неделю...» Перевод А. Бродского	58
Белочка. Перевод А. Бродского	60
Лекарство. Перевод Ю. Хазанова	60
Росинки. Перевод В. Андреева	61
Два дубка. Перевод Н. Бабицкой	62
Березка. Перевод М. Фильштейна	63
«Три тюльпана в дар принес он ей...»	
Перевод Ю. Хазанова	63
Метеорит. Перевод Ю. Хазанова	64
Чудо. Перевод Ю. Хазанова	65
Сопричастность. Перевод Н. Бабицкой	66
Птенец. Перевод Н. Бабицкой	66
Благодарение. Перевод Н. Бабицкой	67
Месяц покоя. Перевод А. Бродского	68

ГВОЗДИКА НА СНЕГУ

«Мне открыться не пришлось...»

Перевод Ю. Хазанова	70
Просьба. Перевод Ю. Хазанова	71
Снег. Перевод Ю. Хазанова	72
Цветы из Вселенной. Перевод Ю. Хазанова	72
Ее глаза. Перевод Ю. Хазанова	73
Подари! Перевод Л. Беринского	74
«Молния сверкнула, грянул гром...»	
Перевод Л. Беринского	74
Колокольчик. Перевод Л. Беринского	75
Гвоздика на снегу. Перевод Л. Беринского	76
Без ответа. Перевод Л. Беринского	77
Вечер. Перевод Л. Беринского	78
«Роняя, как слезы, тяжелые росы...»	
Перевод Л. Беринского	79
Желтый лист. Перевод Д. Шраера	80
Посреди пути. Перевод Л. Беринского	80
Зову тебя. Перевод Л. Беринского	81

БАЛЛАДЫ

Баллада о золотой медали. Перевод Л. Мезинова	83
Баллада о сыновьях-романтиках.	
Перевод Л. Беринского	85
В селе под Тамбовом. Перевод Л. Беринского	87
Баллада о хлебе. Перевод Ю. Хазанова	89
Баллада о замках. Перевод Р. Добровенского	92
Шолом-Алейхем на планете Меркурий.	
Перевод Ю. Хазанова	94
Баллада о шраме. Перевод Ю. Хазанова	96

Вильнюс, декабрь 1976. <i>Перевод Ю. Хазанова</i> . . .	98
Разговор с зеркальных дел мастером.	
<i>Перевод Л. Фрухтмана</i>	101
Голубь и танк. <i>Перевод А. Урванцева</i>	102
Баллада о мальчике и девочке.	
<i>Перевод Ю. Хазанова</i>	103
Баллада об одинокой собаке. <i>Перевод А. Урванцева</i>	104
Крымчакские мотивы. <i>Перевод Ю. Хазанова</i>	
1. Богач и бедняк	105
2. Розу я сорвал в саду...	106
3. Исцели меня	107
4. От одного до ста	109
5. Остались мы вдвоем	111
6. Крик человеческий	112

Бейдер Х.

Б 41 Моя погода: Стихи. Пер. с евр.— М.: Советский писатель, 1985.— 120 с.

Первая книга Хаима Бейдера «Новоселье» вышла в 1979 году. Это был итог многолетнего поэтического труда. На протяжении многих лет Бейдер печатал свои стихи в периодике Москвы, Киева, Биробиджана.

Главная тема его творчества — новый быт советских евреев, их патриотизм, чувство семьи единой с братскими народами. Значительное место в творчестве поэта занимают образы еврейского фольклора, любовные и философские мотивы.

4702200000—090

Б — 397—85

083(02)—85

ББК 84.67

*Хаим Волькович
Бейдер*

МОЯ ПОГОДА

М., «Советский писатель», 1985, 120 стр.
План выпуска 1985 г. № 397

Редактор *А. Д. Тверской*
Худож. редактор *Д. С. Мухин*
Техн. редактор *Ю. Н. Чистякова*
Корректор *Л. Н. Морозова*

ИБ № 4489

Сдано в набор 17.01.85. Подписано к печати 19.02.85.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Обыкновенная гар-
нитурa. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,25. Уч.-изд. л. 4,35.
Тираж 5650 экз. Заказ № 32. Цена 50 коп.
Ордена Дружбы народов издательство «Советский писа-
тель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская ти-
пография Союзполиграфпрома при Государственном ко-
митете СССР по делам издательства, полиграфии и книж-
ной торговли, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

50 коп.

